

..... НИК

ПЕРУМОВ

Приключения

МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

• ЗА КРАЕМ МИРА •

Приключения Молли Блэкуотер

Ник Перумов

**Молли Блэкуотер.
За краем мира**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Молли Блэкуотер. За краем мира / Н. Перумов —
«Эксмо», 2016 — (Приключения Молли Блэкуотер)

В Империи дымят угольные топки, исходят паром котлы машин, бороздят моря мониторы, а по рельсам грохочут громадные бронепоезда. Империи нужно многое, и она сгоняет с богатых ископаемыми северных земель варваров-Rooskies, чьи пределы соединил с имперскими страшный Катаклизм. Для Империи пар – благо, а магия – зло. Магия непредсказуема и смертельно опасна, она сожжёт человека изнутри и убьёт тех, кто окажется рядом. Потому и заведён в Империи специальный Департамент, обезвреживающий несчастных магов прежде, чем они успеют причинить кому-либо вред. И что делать, если тебе всего двенадцать лет, а магия внезапно пробудилась и нет пути к спасению? Точнее, есть, но его знает только пленный мальчишка-варвар... Как поступит Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, юная благовоспитанная мисс, дочь железнодорожного доктора?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Перумов Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ник Перумов

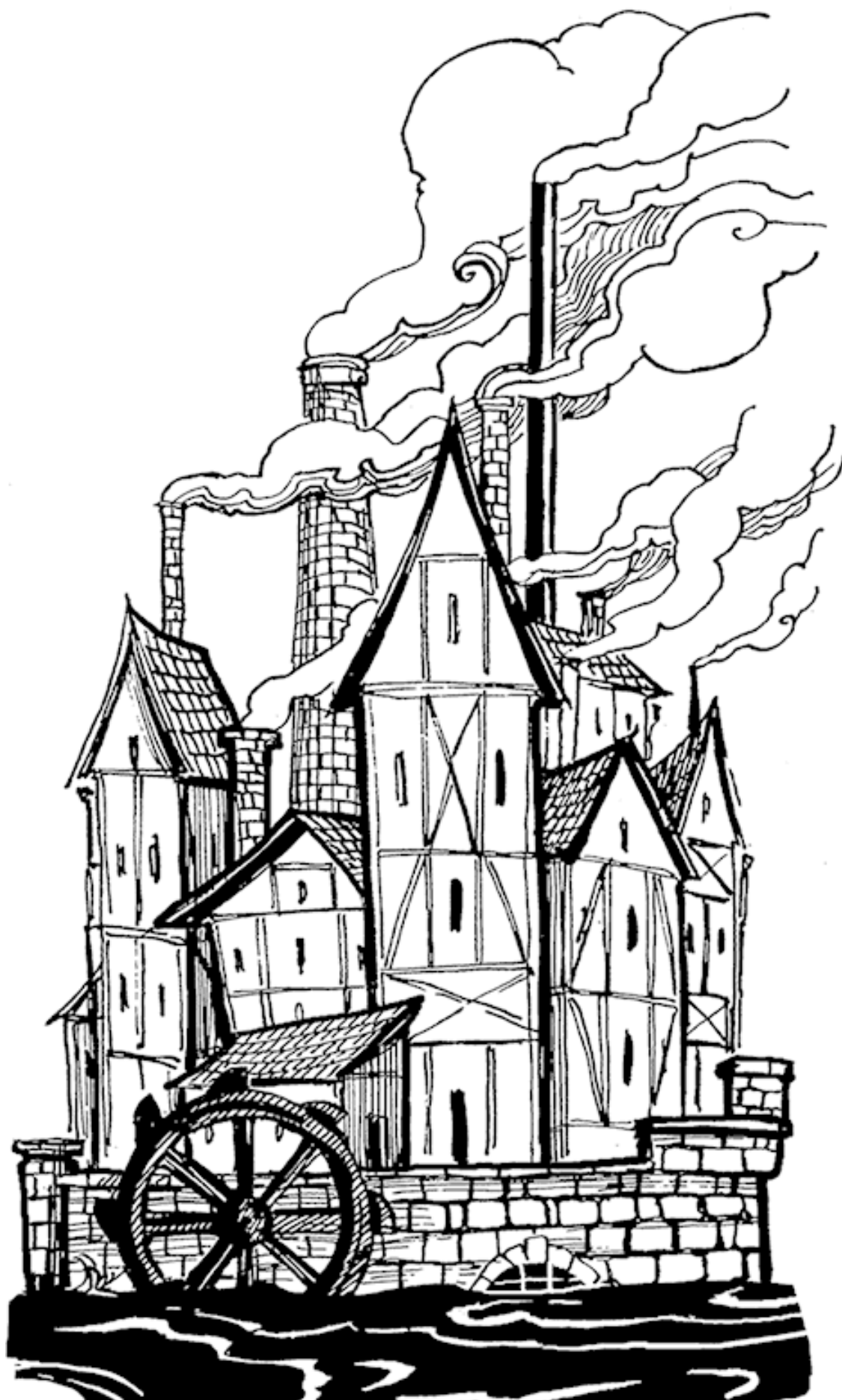
Молли Блэкуотер. За краем мира

© Перумов Н., 2016

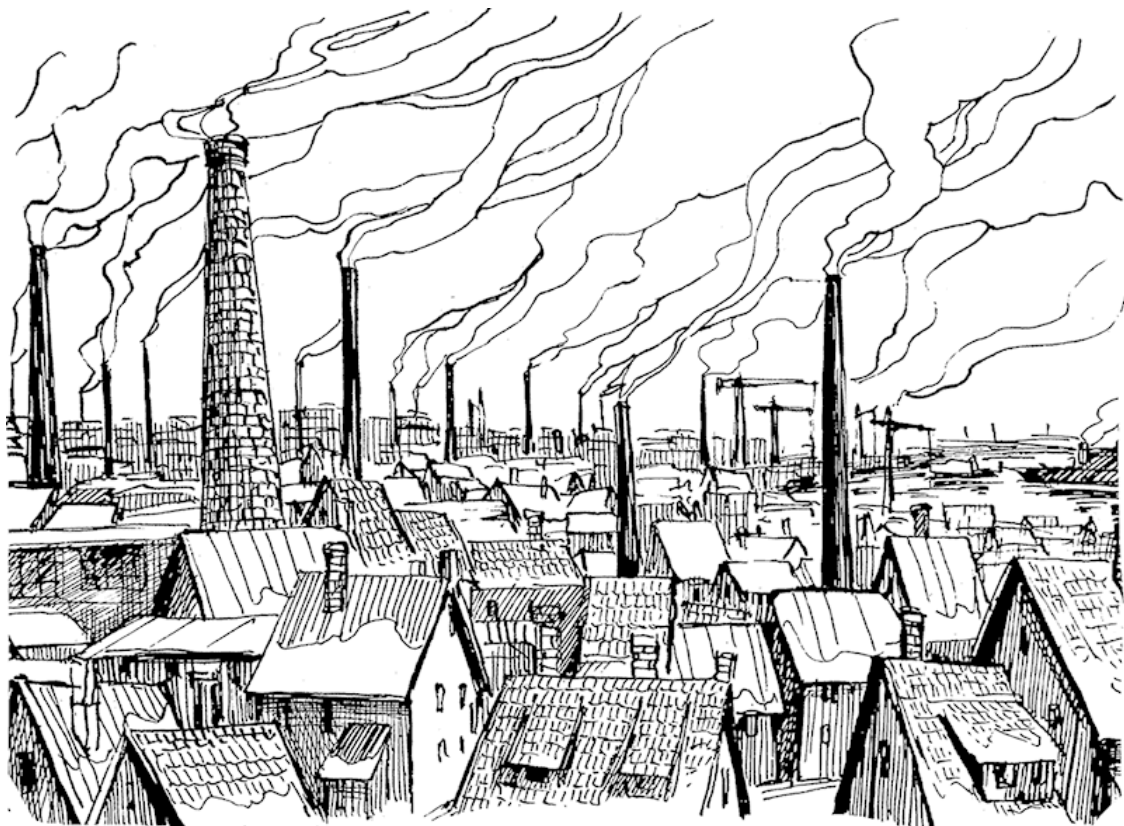
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть первая Норд-Йорк

Глава 1

Трубы, изрыгающие чёрный дым, низкие облака – дымные столбы упираются в серую крышу, словно поддерживая. Облака переваливают через острые грани хребта Карн Дред, спускаются вниз, в долину, к берегам широкой Мьёр. Река впадает в Норд-Гвейлиг, Северное море, а возле самого устья раскинулся Норд-Йорк.

Это он дымит трубами, сотрясает ночь фабричными гудками. Это в его гавани стоят низкие и длинные дестроеры с мониторами и канонерками, и здоровенные многотрубные купцы, и скромные каботажники. От порта тянутся нити рельсов к складам и мастерским, казармам и фортам.

Дышат огнём топки, жадно глотая чёрный уголь. Клубится белый пар вокруг напружинившихся, словно перед прыжком, локомотивов; дымят породистые, словно гончие, курьерские и пузатые двухкотловики, что тянут с Карн Дреда составы со строевым лесом, рудой, особо чистым углём, который единственный годится для капризных топок королевских дредноутов.

Корабли увозят всё это добро из порта. Уползают, словно донельзя сытые волки от добычи.

Улицы в Норд-Йорке, в его нижней приречной части, узкие, словно ущелья. По дну их пыхтят паровички, тащат вагонишки с фабричным людом, развозят грузы. Дома тут высокие, в полтора десятка этажей, и даже того выше. Окна неширокие и тусклые, хозяйки не успевают отмывать стёкла от сажи. В коричневых ящиках под окнами отчаянно тянутся к свету тонкие стрелки лука. Без лука никак – зимой в Норд-Йорке частенько гостит цинга.

Выше по течению и по склонам берега улицы становятся шире, дома – ниже. Здесь народ одет лучше, больше пабов, кофеен и лавочек. Здесь живут лучшие мастера, наладчики,

станочники, инженеры, офицеры королевского гарнизона, механики и машинисты бронепоездов, прикрывающих шахты, карьеры и лесопилки на склонах Карн Дреда.

И ещё здесь, на Плэзент-стрит, 14, живёт доктор Джон Каспер Блэкуотер с семьёй. Доктор Джон работает на железной дороге, пользуясь путевых рабочих и обходчиков, смазчиков, стрелочников, семафорщиков, телеграфистов, он вечно в разъездах на мелкой своей паровой дрезине – паровоз с полувагоном, где есть операционная, где можно принять больного и где в узком пенале купе спит сам доктор, когда не успевает за день вернуться обратно в Норд-Йорк.

Иногда он берет с собой и Молли, особенно когда миссис Анна Николь Блэкуотер отправляется погостить к своим собственным маме и папе.

Молли любит это поездки больше всего на свете.

– Фанни! Скажи маме, что я дома!

Мисс Молли Блэкуотер, двенадцати лет от роду, захлопнула дверь, помотала головой под низко надвинутым капюшоном. На улице валил снег. Через Карн Дред переползла очередная масса облаков.

Фасад у таунхауса семьи Блэкуотеров узок, всего два окна с дверью. За парадными дверьми – длинный холл, в стене слева от входа – связки поднимающихся из подвала труб, парораспределитель, всякие манометры, вентили и рукоятки.

Пар в Норд-Йорке – это всё. Он не только обогревает дома стылой и ветреной зимой, он толкает поршни в цилиндрах машин, приводит в движение целые фабрики, управляет семафорами на железнодорожных путях и городских перекрёстках, переводит стрелки для настоящих больших поездов и скромных уличных паровичков, разгружает суда в норд-йоркском порту – всех работ не перечислить.

Глубоко под землёй круглосуточно горят огромные топки, перегретый пар устремляется по трубам; там стоят гигантские котлы в два, а то и три десятка футов высотой.

В подвале дома Молли тоже есть котёл, небольшой, конечно. Есть и угольный бункер, и механическая рука-подаватель, движимая тем же паром. На улицу высовываются раструбы воздухозаборников, словно на настоящем корабле, внутри гудят вентиляторы. Пар идёт вверх, в комнаты, помогая даже готовить еду или гладить бельё!.. Там же, в подвале, паровой автоклав-стерилизатор, где папа обрабатывает свои шприцы и скальпели.

Сразу за холлом в доме Молли – гостиная и столовая с кухней. Слева от холла – папин кабинет. Он такой маленький, что там почти ничего не вмещается, кроме книжных шкафов да письменного стола. Тем не менее папа там тоже принимает больных – ну, когда оказывается дома. На столе – особая гордость папы, механическая пишущая машинка на пару, с собственным котлом и горелкой, с настоящей топкой!.. На ней папа пишет свои статьи в «Ланцет» и в Королевское медицинское общество, описывая болезни северных варваров и их же варварские методы лечения.

Конечно, дома подобную машинку использовать затруднительно, признаётся папа, если только не подключать к домашним паропроводу и вытяжке; но зато в путешествиях, уверяет он, такая машинка незаменима. Известное выражение «В топку!», относящееся к неудачным рукописям, кажется, именно от таких машинок и пошло.

Мебель в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера тёмная, основательная, дубовая.

Молли наконец справилась с плащом и капором. Фанни, служанка, по Моллиному мнению, ужасно-преужасно старая – ей ведь уже тридцать пять лет! – появилась из глубины дома, приняла заснеженную пелерину.

– Ботики, мисс Молли. Смотрите, сейчас лужа натечёт. Матушка ваша едва ли будет довольна.

– Не ворчи, – засмеялась Молли, скинула как попало тёплые сапожки и устремила мимолетно мимо горничной к лестнице на второй этаж, лишь на миг задержавшись перед высоким,

в полный рост, зеркалом. Кашлянула – она всегда кашляла, когда зимой над городом скапливался дым от бесчисленных плавилен, горнов и топок.

В зеркале отразилась бледная и тощая девица с двумя косичками и вплетёнными в них чёрными лентами. Курносая, веснушчатая, с большими карими глазами. И, пожалуй, чуточку большеватыми передними зубами. В длинном форменном платье частной школы миссис Линдгроув, южанки аж из самой имперской Столицы – тёмно-коричневом платье с чёрным передником и в чёрных же чулках.

Внизу – слышала Молли – Фанни потопала на кухню. Мама, наверное, где-то там. Молли сейчас приведёт себя в порядок и спустится. Правила строгие – не умывшись, не смыв с лица угольную копоть, что пробирается под все шарфы и маски, нельзя появляться перед старшими.

Фанни, понятное дело, не в счёт. Она прислуга. Перед ними можно.

Младшего братца Уильяма, похоже, ещё не привели домой с детского праздника. Ну и хорошо, не будет надоедать, вредина. Всего семь лет, а ехидства и вредничести в нём хватит на целую дюжину мальчишек.

Молли распахнула дверь своей комнатки – как и всё в их доме, узкой и длинной, словно пенал. Окно выходило на заднюю аллею, и девочка не стала туда даже выглядывать. Мусор, какие-то ломаные ящики, конский навоз и ещё кое-кто похуже – чего туда пялиться? Приличные люди – и приличные дети – там не ходят.

В комнатке всего-то и помещалось, что умывальник, шкаф, узкая кровать, небольшой стол у самого окна и чертёжная доска.

Правда, доска эта была всем доскам доска. Занимала она почти половину комнаты. Пантографическая угломерная головка, механический привод – чертёжная доска, как и пишущая машинка папы, была на пару. Подсоедини её к домашнему паропроводу, не забудь гофрированную вытяжную трубу, вставь грифель в зажим – и машина начнёт повторять твой последний чертёж. Или поможет тебе двигать каретку.

Это был папин подарок на двенадцатилетие, и Молли её обожала.

А если у тебя есть чертёжная доска, то, соответственно, на ней надлежит чертить. Или по крайней мере рисовать. И потому всё прочее место в Моллиной комнатке занимали рисунки – кроме книг, карандашей, машинок для их точки, резинок всех мастей и калибров и огромной готовальни, жившей на полке.

Рисунки были повсюду. На кроватном покрывале, на столе, под столом, на стуле, на шкафу, под шкафом – и, разумеется, покрывали все стены.

Но если кто думает, что юная мисс Блэкуотер рисовала каких-нибудь единорогов, пони, принцесс или котят с мопсами, он жестоко ошибается.

На желтоватых листах брали разбег невиданные машины. Извергали клубы дыма паровозы. Поднимали стволы гаубиц бронепоезда. Под всеми парами устремлялись к выходу из гавани дестроеры.

Пейзажи Молли не интересовали, впрочем, как и люди. Да и машины на её рисунках были не просто машинами, а их планами. Детально и тщательно вычерченными, проработанными по всем правилам. На кульмане, припиленный, ждал её руки очередной механический монстр – уже неделю Молли, высунув от старания язык, пыталась изобразить сухопутный дредноут, бронепоезд, которому не нужна будет железнодорожная колея.

Поплескав в лицо водой и сменив форменное платье на домашние фланелевую рубашу и просторные штаны, Молли устремилась обратно на первый этаж.

Отвоевать право хотя бы иногда ходить так дома стоило ей нескольких месяцев скандалов и ссор, пока мама наконец не сдалась.

– Здравствуйте, мама. – Молли склонила голову.

Мать стояла посреди гостиной, в идеальном серо-жемчужном платье, скромном, но, по мнению Молли, в таком можно было хоть сейчас отправляться на королевский приём в Столице. Волосы стянуты на затылке в тугий узел, взгляд строгий.

– Молли. – Мама ответила лёгким кивком.

– Позволено ли будет мне сесть?

– Садитесь, дорогая. Папа задерживается, как всегда, так что обедать будем без него, когда вернутся Джессика и Уильям. Не сутультесь, дорогая. Осанка, девочка, осанка! И руки, Молли, где ваши руки? Где и как держат руки приличные, хорошо воспитанные мисс?

– Простите, мама... – Молли поспешно развернула плечи, сложила руки на коленях.

– Вот так, дорогая. Хорошие привычки надлежит прививать с детства. Итак, милая, как дела в школе?.. Молли, не спешите, не глотайте окончания слов и не начинайте фраз со слова «потому». Прошу вас, золотко, я слушаю.

* * *

– Гляди, Молли, «Даунтлесс»! «Даунтлесс» пошёл!

– Ничего подобного, – фыркнула Молли. – «Даунтлесс» с одним орудием, носовым. Это «Дэринг». Пушку на корме видишь? Двенадцатифунтовка. Недавно только поставили.

– Всё-то ты знаешь, – обиженно прогундел рыжий мальчишка с оттопыренными ушами. Он и Молли сидели на карнизе высоко поднимавшегося над гаванью старого маяка. Маяк уже не работал – вместо него построили новый, вынесенный далеко в море.

– Разуй глаза, Сэмми, – отрезала Молли, – и ты всё знать будешь. «Даунтлесс», «Дэринг» и «Дефенсив» – три систершипа¹. Только что пришли с Севера. С канонеркой «Уорриор».

– Эх, хоть одним бы глазком увидеть, – вздохнул Сэмми, – как они там, за хребтом, по берегу бьют...

Да. Хребет Карн Дред был северной границей Империи. За ним тянулись бескрайние леса, как далеко – не сказал бы ни один имперский географ. Когда-то давно страна, где жила Молли, была островом. Бриатанией. Но потом – потом случился Катаклизм. Тоже очень, очень давно. И остров сделался полуостровом. Пролегли дальние дороги, зазмеились реки, озёра раскрыли внимательные глаза.

¹ В английском языке существительное «корабль» обычно относится к женскому роду. Отсюда «систершип» – «корабль-сестра», то есть однотипный.

И туда, за острые пики Карн Дреда, пришли невиданные раньше тут жители. Жители с произносимым именем Rooskies.

Молли вздохнула, поглубже натянула настоящий машинистский шлем. Его ей подарил папа, а ему он достался от механика, которому папа спас ногу, пробитую круглой пулей из додревнего мушкета этих самых Rooskies.

Порыв ветра швырнул в лицо жёсткую снежную крупу пополам с угольной гарью; рыжий Сэмми чихнул, Молли закашлялась, заморгала, поспешно опуская на глаза здоровенные очки-консервы. Очки тоже подарил папа. Такими пользуются путевые обходчики на самых глухих ветках, подходящих к отдалённым карьерам и лесопилкам.

Сэмми глядел на подругу с неприкрытой завистью. Конечно, на Молли тёплая кожаная курточка на меху, исполосованная застёжками-«молниями», штаны из «чёртовой кожи» на тёплой подкладке со множеством карманов, высокие ботинки с пряжками. В школе приходилось носить форму, но в прогулках по городу мама Молли пока что не ограничивала. Особенно сейчас, гнилой зимою.

Сам же Сэмми дрожал в худом и явно тонковатом пальто, истёртом на локтях почти до дыр. Ботинки тоже вот-вот запросят каши, а клетчатые брюки испещрены заплатами.

Сэмми жил «за рельсами» – за Геаршифт-стрит, где пролежала эстакада, больше всего напоминавшая ржавый хребет неведомого зверя; по эстакаде к порту, заводам и вокзалу ходил скоростной паровик. На Геаршифт кончался «приличный», как говорила мама, район и начинались кварталы «неудачников», как говорил папа. «Впрочем, – добавлял он неизменно, – лечить их всё равно надо. Таков долг врача, не забывай об этом, Молли, дорогая».

Ни мама, ни папа Блэкуотеры не одобрили бы пребывания их дочери в компании мальчишки «с той стороны». Впрочем, Молли уже успела усвоить, что рассказывать и делиться надо далеко не всем. Даже с родителями. И особенно с родителями.

– А моего папку отправили сегодня, – сказал Сэмми, провожая взглядом «Даунтлесс», который на самом деле «Дэринг». – Новую ветку тянуть. Через ущелье Кухир.

– Кухир? – удивилась Молли. – Это же... на ту сторону!

– Ага. – Сэмми шмыгнул носом. – А там эти... Rooskies.

Ага, подумала Молли. Rooskies очень не любили, когда на их границах начинали рубить лес, засыпать овраги, строить мосты через горные реки или пробивать тоннели.

– «Геркулес» отправили их защищать, во! – нашёл наконец Сэмми повод для оптимизма.

– «Геркулес»?! Во здорово! – искренне восхитилась Молли. – Эх, жаль, я не видела...

– Ночью уехали, – чуть снисходительно сказал Сэмми. – Вы же ещё спите в такую рань. Только мы встаём, заводские.

– И «Гектор», наверное?

– Не, «Гектор» по-прежнему в ремонте. – Сэмми с важным видом почесал нос. – Не починили ещё. «Геркулес» один отправился.

«Геркулес» был самым большим и мощным бронепоездом в Норд-Йорке. Два двухкотловых паровоза, самых сильных, что производили заводы Империи, шесть боевых броневозов, два вагона-казармы, вагон-штаб с лекарской частью; Молли безошибочно перечислила бы количество и калибры всех до единой пушек и митральез², которыми щетинилась бронированная громада, сейчас, знала она, выкрашенная в смесь грязно-серых и грязно-белых изломанных полос.

Ходила с «Геркулесом» всегда и малая бронелетучка с краном и запасными рельсами-шпалами на случай, если какая-то досадная причуда судьбы повредит пути. Зачастую

² Митральеза – многоствольная скорострельная система, зачастую с блоком вращающихся стволов, использующая патроны винтовочного калибра; предтеча современных пулемётов.

страховать гиганта отправляли и старенький заслуженный бронепоезд «Гектор», который пускали вперёд, отчего тот и претерпевал регулярно всяческий ущерб.

Но на сей раз «Геркулес» отправился один. Значит, дело действительно срочное.

Молли не успела обдумать всё это, потому что в порту заревел гудок. Два буксира осторожно тянули к причалам низко сидящую громаду «Канонира», тяжёлого монитора береговой обороны. Он ушёл из гавани четыре дня назад и – говорил папа за ужином – не ожидался раньше, чем через две недели.

Что-то и впрямь случилось.

– Молли, ты глянь! – аж задохнулся рядом Сэмми.

Солнце скрывали низкие тучи, к ним примешивалась всегдашняя дымка, висевшая повсюду в Норд-Йорке, сыпала снежная крупа, но Молли всё равно отлично видела, что монитор сидит в воде почти по самую палубу, куда глубже, чем полагалось. Увидела следы гари на серых боках рубки и боевой башни с торчащими жерлами четырнадцатидюймовых орудий. Сбитые ограждения мостика, отсутствующие стены и леера; из окрестностей трубы исчезли выгнутые раструбы воздухозаборников, без следа сгнули оба паровых катера. Нет и пары скорострелок правого борта («QF орудие Mk II калибра 4⁵/₈ дюйма, длина ствола 40 калибров, вес снаряда 45 фунтов», – тотчас произнёс голос у Молли в голове) – на их месте выгнутые и перекрученные полосы металла, словно зверь драл лапами древесную кору.

Что случилось? Почему? У Rooskies же нет тяжёлых пушек! Да и выглядел бы монитор после артиллерийского боя совершенно иначе.

Они смотрели на медленно проплывающую громаду. А это что ещё такое?

– 3-зубы как б-будто? Или нет, клюв? – Сэмми широко раскрыл глаза.

И точно. Кормовую надстройку наискось прорезало нечто вроде огромного топора, а на крыше её чётко отпечатались странные следы – монитор точно пытались взять на абортдаж, закидывая на борт множество канатов, оканчивающихся массивными и острыми крюками.

– Молли, что это?

– Осколки, наверное, – неуверенно предположила та. – Мина могла взорваться, в минном аппарате, например, у дестроера рядом... осколки разлетаются, а если, скажем, ещё и мачта упала как-нибудь неудачно...

– Не, Молли. – Сэмми стучал зубами от страха. – В-волшебство это, Молли, точно тебе говорю!

– Тише ты! – оборвала его девочка. – Даже вслух такого не произноси!

Магия – страшное дело. Магия – ужас и проклятие Норд-Йорка, как и всей Империи. Магия появилась после Катаклизма, как, откуда, почему – никто не знал. Или, может, знал, но детям, даже таким, как Молли, из приличных семей, ничего не говорили.

Магия не поддаётся контролю. Её нельзя управлять. Её не нанесёшь на чертежи, не рассчитаешь на логарифмической линейке или даже на мощном паровом арифмометре. Она приходит и властно берёт подданного Её Величества королевы за горло, и остаётся...

И не остаётся ничего.

Нет, сначала всё хорошо и даже не предвещает беду. Тебе просто начинает везти. Сбываются какие-то мелкие желания. Ты не выучила урок – а тебя не спросили и вдобавок отменили контрольную. Ты опрокинула оставленные молочником бутылки – а они скатились по ступеням, не разбившись. Противное рукоделье как-то само собой оказалось сделанным. Порванная куртка – целой. А на носу у противной Анни Спринклс из параллельного класса, дразнилы, ябеды и задаваки, сам собой вскакивал бы исполинский пламенеющий прыщ, стоило только пробормотать про себя пожелание.

А потом...

Потом ты бы испугалась. Постаралась бы ходить осторожно-осторожно, учить все-все уроки и даже помирилась бы с противной мисс Спринклс.

Но было бы уже поздно.

Ночью тебя стали бы будить жуткие сны, и ты просыпалась бы вся в поту от собственного крика. Ты сделалась бы в этих снах чудовищем, призраком, ангелом Смерти, Чёрным Косцом, пробирающимся ночными улицами Норд-Йорка. Ты забавлялась бы, оставляя криво выцарапанные кресты на дверях, а на следующую ночь приходила бы снова, одним касанием заставляя лопнуть все панически запертые замки и засовы, шла бы по тёмным комнатам и забирала жизни. Забирала бы жизни детей, прежде всего – детей. С тем, чтобы потом насладиться горем и отчаянием родителей.

Но этого мало. Магия, проникшая тебе в кровь, продолжала бы свою работу.

И в один прекрасный день ты перестала бы быть человеком. Перестала бы быть молодой мисс Моллинэр³ Эвергрин Блэкуотер, дочерью почтенного и уважаемого доктора Джона К. Блэкуотера. Ты стала бы чудовищем, самым настоящим чудовищем.

А потом – потом ты взорвалась бы. Твоё тело просто не выдержало бы жуткого груза. Кровь, текущая по жилам, подобно воде, бегущей по трубкам парового котла, обратилась бы в подобное пару пламя. И, словно перегретый пар, это пламя вырвалась бы на волю.

Там, где была девочка, взвился бы к небу огненный столб, словно от попадания четырнадцатидюймового снаряда. На добрых две сотни футов во все стороны не осталось бы ничего живого.

Поэтому в Норд-Йорке и несет службу Королевский Особый Департамент. Их чёрные мундиры знает весь город. Чёрные мундиры и эмблему – сжатый кулак, душащий, словно змею, рвущиеся на волю языки злого пламени. Мундиры черны. Кулак на эмблеме – серебряный. А языки пламени – алые.

У них есть особые приборы – досматривающие часто устраиваются в людных местах, на вокзале, например, на конечных остановках паровичков, что возят заводских к цехам и обратно. Приходили они и в школу Молли, разумеется. Класс замер, глядя на сумрачных мужчин в чёрном, с начищенными медными касками, словно у пожарных, украшенными чёрно-бело-красными гребнями.

Прибор, похожий на камеру-обскуру с большим блистающим объективом, глядел холодно и устрашающе. Девочки одна за другой садились перед ним, досмотрщик крутил ручку сбоку, в объективе что-то мигало и мерцало, и ученице разрешали встать.

Почти всегда.

Один раз, в прошлом году, Дженни Фитцпатрик так же точно, как остальные, села перед объективом, робея и комкая вспотевшими пальцами края передника; так же точно закрутил ручку бородатый досмотрщик; так же засверкало что-то в глубине аппарата, за линзами – и вдруг всё замерло.

Бородатый кивнул своему напарнику, с серебряным угольчатым шевроном на рукаве. Тот плотно сжал губы, вскинул голову, шагнул к треноге, на которой возвышалась камера, глянул куда-то за отодвинутые шторы, скрывавшие от учениц бок прибора – и резко положил руку на плечо сжавшейся Дженни.

Молли помнила, как двое досмотрщиков рывком подняли её со скамьи – ноги больше не держали мисс Фитцпатрик. Впрочем, уже и не мисс и даже не Фитцпатрик.

Больше Дженни никто не видел. Шёпотом передавали слухи, что всех «выявленных» отправляют куда-то в Столицу, чтобы «сделать безопасными для окружающих», однако Дженни в их класс так и не вернулась. И на свою улицу не вернулась тоже, а родители,

³ Автору известно, что имя Молли – уменьшительно-ласкательное от Мэри или Маргарет. Но у нас, как-никак, события происходят после Катаклизма...

к полному изумлению Молли, вели себя так, словно ничего не случилось, а их дочь просто поехала погостить куда-то на юг к любимой тётушке.

От мыслей про магию Молли стало совсем зябко.

– Пошли по домам, Сэмми.

– погоди! – возмутился тот. – Смотри, «Канонира» уже почти подвели! И прожекторами освещают! Гляди, гляди, ты ж у нас его знаешь лучше, чем, наверное, его капитан! Что ж его так изглодало-то? Если не... э... ну, это самое?

Сэмми не слишком хотелось идти домой, и Молли его понимала. Кроме него, в семье ещё шестеро братьев и сестёр, а жили они не в таунхаусе, как семья д-ра Блэкуотера, а в двух крошечных комнатках общественной квартиры, где кухня с ватерклозетом приходились ещё на восемь таких же.

Правда, мать Сэмми не кудахтала над отпрыском, отнюдь нет. И не смотрела, когда он возвращается домой. Правда, уже начала спрашивать, когда тот перестанет болтаться без дела и начнёт зарабатывать. Все старшие в его семье уже приносили домой когда шиллинг, когда два, а когда и целых три – в особо удачных случаях.

Они остались. И смотрели на тяжко осевший монитор, осторожно подводимый к причалу. К причалу, не в сухой док – значит, чинить особо нечего.

На палубе «Канонира» суетились люди. Суетились, на взгляд Молли, совершенно бессмысленно. Что она, не видела, как швартуются мониторы? А здесь что? Ну, чего присесть подле дырок, где надлежало быть воздухозаборникам? Чего там смотреть? От этого они обратно не вырастут. А ты, моряк в шапочке с помпоном, чего уставился на пустые кильбалки? Катер сам собой не вернётся.

– Как ты думаешь, – с придыханием спросил Сэмми, – что у них там случилось? Куда катера подевались? И шлюпки?

– Может, спускали, чтобы к берегу подойти? А там что-то случилось? Сам ведь знаешь, какое там море...

Сэмми знал. Норд-Гвейлиг словно сходило с ума там, к северу от Карн Дреда. Берег вздыбливался неприступными скалами с редкими проходами, прибрежные воды превращались в сплошные поля губительных рифов, чьи острые зубья все, как один, смотрели в сторону открытого моря.

На «Канонире» наконец завели концы, перебросили трап. Молли видела, как из подкатившего паровика выбрались несколько офицеров – серебряные погоны, аксельбанты, обязательные к ношению в «тыловых гаванях».

Следом за ним к причалам медленно и осторожно подводили нарядную паровую яхту – все иллюминаторы в кормовой надстройке радостно сверкают огнями. А по пирсу проползла целая вереница локомотивов, глухих, закрытых, чёрных.

– Кто-то из пэров приехал...

Молли кивнула. Пэры Королевства частенько навещали Норд-Йорк. Наверное, куда чаще, чем любой другой город в северной части страны, почему – Молли не знала. Может, оттого, что он оказался ближе всего к войне? Отсюда к Карн Дреду тянулись стальные нити путей, здесь выгружались батальоны горнострелков и егерей, здесь строили и ремонтировали бронепоезда.

Про пэров в городе знали все, однако держались они тихо и незаметно: подружки Молли в школе наперебой обсуждали светские новости из Столицы, балы, наряды и всё такое прочее; а в Норд-Йорке почему-то балы устраивались редко, и гости с юга на них не появлялись, к вящему разочарованию девочек в Моллином классе.

Израженный «Канонир» и роскошная яхта пришвартовались; становилось скучновато. Сам монитор Молли и впрямь знала как свои пять пальцев, все его кочегарки и машинные отделения, погреба с элеваторами, словно наяву видела круглый погон башни, её привод,

блестящие рычаги наводки, дальномеры, раскинувшие руки на марсах. Она рисовала «Канонир» и его систершип «Фейерверкер» множество раз, даже со счёту сбилась, сколько именно.

– Идём домой, Сэмми. Меня мама заругает.

– А, ну да, конечно, – вздохнул рыжий мальчишка и потёр оттопыренные уши. – Пошли. Завтра придёшь?

– Не знаю. У меня рукоделье не сделано. Ни шитьё, ни вышивка, ни вязание.

– Брр! – помотал головой Сэмми. – Как ты только выдержишь? Я б лучше розгами в школе получил, чем за шитьём сидел!

– Я б тоже, – призналась Молли. – Прутьями что, потерпел чуток и всё, а тут час за часом... пальцы все иголкой исколешь, нитки на спицах путаются, крючок у меня вечно заваливается...

– Пошли, короче говоря, – заключил Сэмми.

И они пошли.

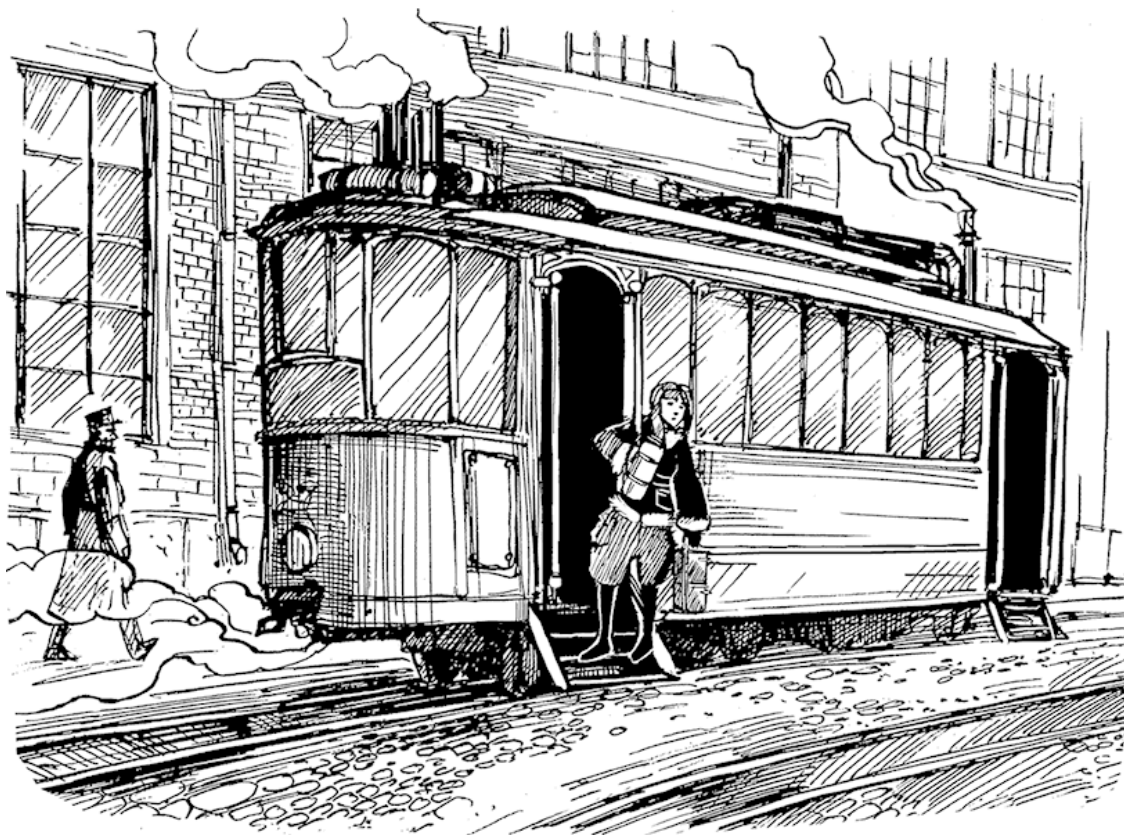
Когда они спустились с маяка, фонарщики уже зажигали газовые фонари. Проехал, громыхая по булыжной мостовой, паровик с черно-бело-красной розеткой на дверях, и Молли с Сэмом невольно потупились – смотреть вслед паровикам Королевского Особого Департамента считалось у ребят Норд-Йорка дурной приметой.

На круглых афишных тумбах кое-где поверх пёстрых объявлений наклеены были плакаты: «Разыскиваются Особым Департаментом». Кое-кто из одержимых магией пытался бежать, не понимая, наверное, уже в своём безумии, что являет собой страшную опасность для окружающих. Их приходилось отыскивать. И...

И они исчезали.

Глава 2

– Молли! Молли, дорогая!

– Да, мама. – Молли, как положено, слегка поклонилась, складывая руки внизу живота.

– Папа сегодня будет весь день в больших пакгаузах. Просил принести ему обед.

Вот возьмите, Фанни уже всё приготовила...

Мама попыталась было заставить Молли «одеться прилично», потому как «там же будет общество! Офицеры, механики, папины коллеги!.. Платье, мисс, пожалуйста, нормальное платье!»; Молли отбивалась – «там же склады, уголь, грязно!..» – в конце концов победила.

Свой субботний полдень она видела совсем иначе, но с мамой не поспоришь. Мигом окажешься на хлебе и воде – «учит дисциплине и закаляет характер», как неизменно роняла мама, назначая это наказание. За розгу, надо сказать, миссис Блэкуотер не бралась никогда, поелику, будучи дочерью прогресса, полагала подобные «дикости» уделом прошлого. Впрочем, разрешения пороть Молли в школе она подписывала безо всякого трепета. Другое дело, что Молли хватало ума не попадаться.

С термосом в одной руке и тяжкой кастрюлек в другой Молли поскакала на улицу. Зима надвигалась на Норд-Йорк, надвигалась необычно рано в этом году, высылая передовые отряды снеговых туч, гневно обрушивающихся на дымный город твёрдой, словно град, ледяной крупой. Настоящего мягкого снега на улицах не было, он лежал далеко в горах и предгорьях, на полях, ещё не ставших карьерами или шахтами.

Паровичок весело свистнул, трогаясь от остановки, набирая ход, застучал по Азалия-стрит. Молли лихо повисла на задней площадке, ловко просунув руку с термосом под поручень. Верхний город, с его двух- и трёхэтажными таунхаусами, сквериками на пло-

щадях перед церквями и даже фонтаном перед Малым рынком, уступил место городу Среднему, вагончик ворвался в узкое полутёмное ущелье улицы, и Молли невольно сжалась.

Сам воздух, казалось, пропитан здесь угольной гарью до такой степени, что щиплет глаза. Брусчатка изрядно разбита, от люков поднимается зловоние, дома потянулись к небу. Дыры подъездов, какой-то хлам в аллеях, обшарпанные стены и столь же облупленные вывески магазинов с пивными.

Трубы паропроводов старые, вентили ржавые, много где травят.

Жёлтые стёкла в окнах нижних этажей, и сами окна забраны частыми решётками. Молли увидела пару констеблей, они не прогуливались, улыбаясь и здороваясь с прохожими, как родной улице юной мисс Блэкуотер, а, напротив, стояли, внимательные и напряжённые, глядя по сторонам во все глаза. Высокие шлемы, круглые очки-консервы, как у самой Молли, кожаные с металлом доспехи, делавшие их похожими на рыцарей с картинок. Молли заметила и оружие. Увесистые дубинки, револьверы у поясов, а один из констеблей даже держал на плече короткий карабин.

Кого они тут сторожили, почему были так тяжело вооружены – Молли не задумывалась. Паровичок вновь весело свистнул, они покатились дальше, громяхая на стрелках, шипя, окутываясь паром, и смотреть на это было куда веселее, нежели по сторонам.

Большие пакгаузы были действительно большими. Под высокие железные арки, накрытые выгнутыми крышами, забегали полтора десятка железнодорожных путей; часть заканчивалась тупиками, часть следовала дальше, к заводам и к порту. Очевидно, доктора Джона К. Блэкуотера вызвали сюда к пациенту – такое случалось частенько, когда фельдшеры не справлялись.

Молли соскочила с подножки, ловко балансируя и ухитрившись не перевернуть свои кастрюли. Огромные ворота пакгаузов широко распахнуты, стоят вереницы вагонов, пыхтят маневровые паровозы, сердито и нетерпеливо отвечают им низкими гудками их линейные собратья. Отдуваются, отфыркиваясь паром, подъёмники и лифты; кипы тюков, мешков и ящиков исчезают в чреве складов. Суется грузчики в изношенных комбинезонах и ватных куртках, машут жезлами диспетчеры в оранжевых жилетах.

– Доктор Блэкуотер! Как найти доктора Блэкуотера? О, простите, мистер Майлз, это я, Молли!

– Давненько не виделись, мисси! – Толстый диспетчер ухмыльнулся, хлопнув девочку по плечу. – Эк вырядилась, ну ровно машинист, хоть сейчас на «Геркулес», кабы он уже вернулся! Доктор во-он там, за тем углом, ищи ворота четырнадцать. Туда его позвали.

– Мистер Майлз, спаси-ибо! – уже на бегу крикнула Молли.

С платформы на платформу по узким лестницам, словно по боевым трапам вышедшего в море монитора; Молли ловко пробиралась между паровозами и вагонами, уворачивалась от сопящих паровых подъёмников-самоходов, настойчиво разыскивая «ворота номер четырнадцать».

И наконец, увидела их – алые цифры на серой стене, покрытой паровозной гарью. К ним тоже тянулись рельсы, но рельсы не совсем обычные – с обеих сторон высокие железные кольца, в два человеческих роста, густо оплетённые колючей проволокой.

И там стояли солдаты. Горные егеря, тоже в шлемах, очках, крагах. Стояли частой двойной цепью, а между ними, выходя из высоких вагонов со стенами сплошного железа, без окон – в «ворота номер четырнадцать» тянулась короткая нитка людей.

Людей со скованными за спиной руками.

Молли так и замерла, разинув рот и забыв даже об угольной гари и пыли.

Они были высоки, эти люди, выше даже рослых егерей. Все, как один, бородаты – мужчины Империи бороды брили, почитая достойным джентльмена украшением одни лишь усы, да и то должным образом подстриженные или даже завитые. На ногах – что-то вроде

серых сапог, сами же одеты в поношенные желтоватые длинные... меховики? Кожа наружу, мех внутрь. О, вспомнила Молли – touloupes!

Слово пришло первым. И только сейчас она сообразила, кого видит.

Пленных. Тех самых сказочных Rooskies, взятых в плен егерями.

За бородатыми мужчинами прошли несколько женщин в намотанных на головы платках и таких же touloupes. Никто не смотрел по сторонам, все – строго перед собой, точно их нимало не интересовало, где они очутились и что теперь с ними будет.

Не в силах оторвать взгляд, Молли подходила всё ближе к проволоке.

Рабочие вокруг неё – и грузчики, и машинисты, и смазчики, и сцепщики, и диспетчеры – один за другим тоже побросали работу, в упор пялясь на пленников. На юную мисс Блэкуотер никто не обращал внимания, так что она оказалась у самой проволоки, в нескольких футах от того места, где кончалась двойная цепь егерей, а пленники один за другим заходили внутрь пакгауза.

Молли, забыв обо всём на свете, глядела на Rooskies, хотя, казалось бы, ничего в них особенного не было. Ну, высокие, ну, широкоплечие, ну, с бородами. Но хвосты ж у них не растут, да и рогов с копытами явно не наблюдается!

Ни один из пленных так и не бросил взгляда в сторону. Все по-прежнему смотрели строго перед собой.

Предпоследней в цепочке шла совсем молодая женщина: прямая, с такой осанкой, что заставила бы устыдиться даже их преподавательницу манер и танца, миссис О'Лири. Большие серые глаза, светлые брови вразлёт; и она – единственная из всех – улыбалась. Улыбалась жуткой, кривой улыбкой, что так и тянуло назвать «змеиной». Не было в ней ни страха, ни дрожи, а что было – от того у Молли по спине побежали мурашки.

Женщина чуть скосила глаза, столкнулась со взглядом Молли. Серые глаза сузились, задержавшись на девочке. С губ сбежала злобная усмешка, они сжались; а потом уголки рта женщины дрогнули, и она отвернулась.

Молли вдруг ощутила, как трясутся её собственные колени.

А последним в цепи пленных оказался мальчишка. Наверное, как Молли или самую малость старше. С пышной копной соломенного цвета волос, со здоровенным синяком под левым глазом, в таком же touloupe. Он тоже смотрел прямо, не опуская взгляда.

Пленники так не смотрят. Юная мисс Блэкуотер прозакладывала бы свою новенькую готовальню – предмет зависти всего класса – так мог бы смотреть скаут, разведчик. Он не боялся, о нет, видывала она самых отъявленных забияк, когда им бывало страшно – этот Rooskii держался совершенно по-другому.

Как и женщина, мальчишка поймал жадный взгляд Молли.

И, как и у той молодой пленницы, глаза его сузились. Казалось, он собирается сделать моментальную светографию, навечно впечатать Молли в собственную память – так пристально он глядел.

Мгновение спустя его пихнул в спину конвоир-егерь, и мальчишка отвернулся.

Пленные скрылись в пакгаузе, а Молли поспешила к воротам.

– Куда, мисси?

– Простите, мистер мастер-сержант, сэр, я – Молли Блэкуотер, мой папа – доктор Блэкуотер, я принесла ему обед...

Немолодой уса́тый сержант горных егерей усмехнулся.

– Доктора Блэкуотера знаю, а вас, мисси, вижу впервые. Так что не обессудьте. Бдительность – она превыше всего, особенно когда имеешь дело с этими Rooskies. Эй, Джим! Хопкинс!

– Сэр, да, сэр!

– Сбегай, отыщи доктора Блэкуотера. Он где-то внутри. Скажи, пришла его дочь с обедом. Спросишь его указаний. Если господин доктор занят, вернёшься сюда, отнесёшь ему еду. Нет, дорогая мисси, внутрь нельзя, – покачал он головой в ответ на невысказанный вопрос Молли. – Всё понял, Хопкинс?

– Сэр, так точно, сэр!

Долговязый рыжеволосый парень в ещё необмятой куртке и шлеме без единой царапины – верно, из новобранцев – проворно умчался.

– Простите, господин мастер-сержант, сэр, – с должным придыханием спросила Молли, изо всех сил хлопая глазами – по примеру миссис О’Лири, которая поступала так всегда, стоило ей заговорить с «душкой военным», как не очень понятно выражалась она. – А что, эти Rooskies были очень страшные? Очень дикие? Вы ведь поймали их всех сами, сэр, ведь правда?

– Э-э, гхм, ну-у, дорогая мисси, как тебе сказать... – Мастер-сержант подкрутил усы. – С известной помощью отдельных нижних чинов, но да, сам.

И он гордо выпятил грудь, украшенную многочисленными нашивками.

– Rooskies, да будет тебе известно, дорогая мисси, очень любят джин. Джин, и виски, и другие крепкие напитки. У них есть и свои, но их вечно не хватает на всех. Поэтому они всегда стараются их у нас заполучить. Меняют на меха, на кожи... а ещё очень хорошо приманиваются. Дело было так: положили мы, словно забыли, полдюжины бутылок старого доброго «Джимми Уокера», и...

– Сержант Стивенс, любезнейший, перестаньте забивать моей дочери голову своими сказками, – раздался из-за широкой спины егеря голос доктора Блэкуотера. Рядом с ним маячила длинная скуластая физиономия новобранца Хопкинса, разумеется, вся покрытая веснушками, в тон его огненно-рыжим волосам. – Rooskies весьма осторожны и ни на какие горячительные напитки в качестве приманки никогда не клюнут...

– Прошу простить, доктор Блэкуотер, сэр, – мигом подобрался сержант. – Не сердитесь, сэр, всего лишь хотел позабавить нашу любознательную мисс...

– То-то же, – беззлобно сказал доктор Блэкуотер, обнимая Молли. – А не то придёте ко мне в следующий раз с вашим коленом – узнаете, каково это, когда без анестезии, как положено герою-егерю!

– Сэр, умоляю, сэр, скажите, что вы шутите, сэр!

– Шучу, Стивенс, шучу. Молли, милая, спасибо за обед. Видишь, какая у нас тут чехарда, даже не поесть как следует. И тебя внутрь не пускают...

Досточтимый Джон К. Блэкуотер, M.D., был высок и худ, носил усы, как и почти все мужчины в Норд-Йорке. Когда работал, опускал на правый глаз подобие монокля, только разных линз там было полдюжины, на все случаи жизни.

– Беги домой, дорогая. А я поем и назад, надо осматривать пленных...

– Rooskies? Да?

– Их, стрекоза. А почему ты спрашиваешь?

– Девочка видела, как их заводили внутрь, – угодливо встрял сержант. – Должно быть, они её испугали. Варвары, что с них взять...

– Испугали? Правда? – Папа чуть отстранился, посмотрел Молли в глаза. – Милая моя, они, конечно, варвары, но вовсе не такие страшные. Конечно, – быстро поправился он, кинув взгляд на мастер-сержанта, – когда не в дремучих своих лесах. Там-то да. Как любые дикие звери. А здесь – уже нет. Поэтому ничего не бойся, отправляйся домой. Кастрюли я сам принесу. Работы сегодня будет много – пока их всех осмотришь...

– И не бойтесь же вы, господин доктор, сэр, – поспешил почтительнейше заметить Стивенс. – От них же неведомой заразы нахвататься можно, сэр!

– Современная наука, сержант, – сухоvalo заметил доктор Блэкуотер, – создала вполне действенные средства защиты. Уверю вас, мы все тут в полной безопасности. Если я и обнаружу какое-то заболевание, варвара поместят в карантин.

– И будут лечить, да, папа?

Доктор и сержант переглянулись.

– Конечно, дорогая, – сказал доктор, нагибаясь и целуя Молли в щеку. – В конце концов, мы же цивилизованные люди, не так ли? Ну, беги теперь. Стивенс, дружище, не отрядите ли кого-нибудь проводить Молли до паровика?

– Разумеется, доктор, сэр. Хопкинс! О, ты тут, как кстати. Слышал господина доктора? Проводишь юную мисс Блэкуотер до паровика и проследишь, чтобы она благополучно на него села. Всё ясно?

– Сэр, так точно, сэр!

Молли не стала возражать, что она уже большая, что знает район пакгаузов уж явно не хуже долговязой дылды Хопкинса и прекрасно отыщет дорогу сама. Если папе что-то втемяшивалось в голову, его не могла переубедить даже мама.

– Счастлив был вам полезен, мисс!

Рыжий Хопкинс улыбался, показывая щербатый рот, где не хватало одного переднего зуба.

– Спасибо, сэр, – церемонно сказала Молли, придерживая полы куртки в точности тем самым движением, что и миссис О’Лири подбирала свои юбки. – Очень любезно с вашей стороны сопроводить меня.

Хопкинс, явно не привыкший к тому, чтобы кто-то называл его «сэр», весь аж расцвел. И всю дорогу к остановке паровика с убийственной серьёзностью охранял Молли, выпятив нижнюю челюсть так, что девочка забеспокоилась – как бы вывих не заработал. Им поспешно уступали дорогу – ещё бы, горных егерей в Норд-Йорке уважали.

– Куда прёшь, деревенщина! – рыкнул Хопкинс на какого-то зазевавшегося фермера, недостаточно быстро, по мнению Джима, убравшегося с их пути. – Простите, мисс Блэкуотер, здесь столько неотёсанной публики...

Мимо прогромыхал локомотив с эмблемой Особого Департамента на дверцах и сзади, и Хопкинс тотчас вытянулся, отдавая честь ладонью в белой перчатке.

Сквозь тёмные окна было ничего не видать.

Локомотив прогромыхал, поехал дальше.

– Вчера, мисс Моллинэр, взяли одного, – заговорщическим полусшёпотом оповестил девочку Хопкинс. Видно было, что умолчать об этом выше его невеликих сил. – Нас в оцепление поставили, а сами *магика* взяли.

– Не может быть! – Молли не понадобилось притворяться. – Настоящего магика? Малефика?

– Самого малефичного малефика! – уверил её Джим.

– Как же его поймали?

– Соседи донесли, слава Всевышнему. Я слышал, всё началось с того, что к нему молочные бутылки сами на порог взбирались. Молочник-то, чтобы в гору не тащиться с тележкой, оставлял на общей полке. Все соседи за своим молоком спускались, а этот, говорят, никогда. А потом кто-то заметил, как бутылки к нему сами – прыг, прыг, прыг, и в двери. Ну, тут-то они и донесли.

Счастье, что он ничего натворить не успел. Надо ж, мисс Моллинэр, быть таким идиотом – волшебник-то этот, похоже, и впрямь надеялся всех умнее оказаться, магичность свою спрятать, словно и не знал, чем это всё кончается, и не ведал! А вот в мехмастерских паровозных сказывали, что на неделе у них там один возчик того, рванул.

– Как рванул? – ахнула Молли, прижимая ладошки к щекам. – Ни в кого не превратившись?

– Да вот так и рванул! – надулся от важности Хопкинс, явно довольный эффектом. – Не, в чудище не обернувшись. Сказывают, такое тоже бывает. На него, говорят, и раньше поглядывали, но не так, чтобы очень. А тут, говорят, приехали за ним, а он ка-ак рванёт! Побежит, в смысле. Особый Департамент за ним, а он прыг в коллектор, в трубу, значит, а там ка-ак бахнет! Дым столбом, огонь до неба! Все с ног попадали!

Молли не могла припомнить ни «дыма столбом», ни «огня до неба», что имели бы место с неделю назад в механических мастерских Норд-Йорка. Спорить с Хопкинсом она, однако, не стала. Тем более что они уже добрались до остановки, к которой как раз подкатывал двухвагонный паровик.

* * *

Молли ехала домой, низко надвинув шлем и опустив на глаза очки-консервы – она взобралась на империал⁴, однако ветер словно с цепи сорвался. Прямо в лицо летели пригоршни жёсткого снега, но вниз Молли упрямо не спускалась.

Паровик бодро пыхтел по всё тем же улицам, узким и тёмным, всё так же тянулись по обе стороны высоченные, нависающие стены со слепыми жёлтыми окнами, однако снег скрадывал окружающую бесприютность, умягчал, набрасывал флёр зимней сказки, и это, право же, стоило того, чтобы мёрзнуть на открытом империале. Паровик был толкачом, с паровозом позади вагонов, так что дым весь летел назад, не мешая пассажирам империала.

Стрелка, другая, перекрёсток. Поднята лапа семафора, и паровик тормозит, пропускает другой, стучащий колёсами по пересечной улице. Молли ехала домой, но думала сейчас не про дестроеры и мониторы в гавани, не про бронепоезда в депо, а исключительно про пленных Rooskies.

И про мальчишку того тоже.

Бх. Неправильно это.

Но и глядел он как-то... тоже неправильно. Одеты Rooskies, конечно, как варвары. Одни *touloupes* чего стоят! И что теперь с этим пленным? Наверное, ничего плохого. Нет, не «наверное», конечно же, ничего плохого! Иначе зачем папе их осматривать?

Молли сердито помотала головой, поправила шлем. Задумалась, замечталась – этак и свою остановку пропустить недолго!

Лихо скатилась вниз по бронзовым перилам (по случаю непогоды на империале Молли оказалась единственной пассажиркой) и вприпрыжку поскакала к дому.

Но до самого порога её не оставляло ощущение, что жёсткие серо-стальные глаза мальчишки-пленника глядят ей прямо в спину.

Мама, само собой, велела переодеться «как подобает приличной девочке», а до того никаких рассказов выслушивать не стала. И лишь когда Молли, уже в платье с домашним передником (любимыми штанами и фланелевой рубашкой решено было пожертвовать, дабышний раз не сердить и без того чем-то раздражённую маму), аккуратно сложив руки перед собой, вошла в гостиную, мама подняла на неё взгляд.

– Да, дорогая?

Молли принялась рассказывать. Мама любила подробности. Её интересовало, не встретила ли дочь знакомых на паровике, кто был вокруг папы, чем он был занят.

– И там привезли пленных, мама, вы представляете? Настоящих Rooskies!

⁴ То есть на второй открытый этаж пассажирского вагона.

– Ужас какой. – Мама поднесла к лицу платочек. – Молли, милая, вы очень испугались? Прошу меня простить, дорогая. Я никогда не послала бы вас туда, знай я о таких обстоятельствах. А ваш отец тоже хорош! Мог бы отправить посыльного, известить нас, подумать о том, чтобы не подвергать вас опасности!

Молли вздохнула про себя. Она не любила, когда мама по мелочам выговаривала папе.

– Мама, так ничего ж страшного! Там егеря вокруг стояли! С оружием! В четыре ряда!

Насчёт четырёх рядов она, конечно, преувеличила, но что делать, приходилось выкручиваться.

– Всё равно, – непреклонно сказала мама. – Папа обязан был позаботиться о вашей безопасности. Я непременно переговорю с ним, дорогая. Больше такого не повторится, можете быть уверены.

Молли ничего не оставалось, как вновь вздохнуть.

– Могу ли я пойти к себе, мама? У меня ещё уроки оставались.

Это всегда служило универсальной отмычкой.

– Конечно, дорогая.

В комнате Молли рассеянно полистала учебник, уставилась в заданное на сегодня упражнение.

«Бронепоезд выпустил по варварам 80 снарядов, часть весом $6\frac{1}{2}$ фунта, а часть весом $12\frac{1}{2}$ фунта. Сколько было выпущено снарядов каждого вида, если общий вес бронепоезда уменьшился на 700 фунтов? Весом израсходованных угля и воды пренебречь».

Та-ак... 80 снарядов... $6\frac{1}{2}$ фунта... это, конечно, морская лёгкая двухчетвертьюдюймовка. На огромном «Геркулесе» таких пушек шесть в одноорудийных башенных установках, максимальный угол возвышения... тьфу! У меня ж совсем не это спрашивают!

А двенадцать с лишним фунтов – это, само собой, классическая трёхдюймовка, самое распространённое орудие на лёгких дестроерах, миноносцах и прочей мелкоте. На «Геркулесе» таких четыре. Его основной калибр – тяжёлые гаубицы в семь с половиной дюймов, а трёхдюймовки и прочее – чтобы варвары даже и не мечтали бы подобраться к полотну.

Молли в два счёта решила лёгкую задачку, аккуратно вывела оба уравнения, расписала – она такое щёлкает в уме, но в школе требуют «должного оформления». И мама, когда смотрит на её уроки, первым делом проверяет, чтобы не было клякс.

Ну да, 50 снарядов в $2\frac{1}{4}$ дюйма и 30 – трёхдюймовых. Невольно перед глазами Молли возник белый заснеженный лес и чёрная колея железной дороги, и громадная туша «Геркулеса» в зимнем камуфляже, и облака густого дыма над трубами, броневые башни, повернутые в сторону леса. Пламя, вырывающееся из орудийных стволов. Задранные к серому небу жерла гаубиц. И взрывы, взрывы, один за другим, снаряды, рвущиеся на краю леса, снопы осколков, летящие щепки от терзаемых осколками сосен.

Вся артиллерия «Геркулеса» вела беглый огонь.

Там, среди стволов, среди вздымаемой разрывами земли и размолотой в пыль древесины, металась какие-то фигурки. Падали, вскакивали, перебегали, укрываясь в источающих сизый дым воронках. Иные так и оставались лежать – в нелепых белых накидках, испятнанных красным.

«Геркулес» громил и громил лес прямой наводкой, извергая снаряд за снарядом.

Тридцать и пятьдесят, мутно подумала Молли, не в силах оторваться от картины, необычайно яркой и настолько правдоподобной, что куда там снам!

Фигурки в белых накидках, несмотря ни на что, не отступали. Упрямо и упорно они ползли по расчищенному предполью, самые ловкие или удачливые подобрались уже к самой колючей проволоке, протянутой в три ряда по низу насыпи.

На «Геркулесе» затараторили митральезы. Правда, одна из них, торчавшая прямо из бронированного борта переднего вагона, неожиданно заглохла. Молли слыхала – папа

упоминал, – что блок вращающихся стволов часто перекашивает, отчего заклинивает всё устройство.

Сразу несколько белых фигурок бросилось через непростреливаемое пространство. Двух или трёх скосило очередью с другой митральезы; ещё двое упали – из-за спешно отодвинутых бронезаслонок в них стрелял экипаж из ружей и револьверов.

Добежал только один.

Добежал и прижался всем телом к размалёванной грязновато-серыми разводами броне, испятнанной круглыми шляпками заклёпок.

Молли затаила дыхание. Она не могла понять, спит ли она, грезит ли наяву и где вообще находится – всё происходящее она видела с высоты птичьего полёта.

Фигура прижималась к броне всё плотнее и плотнее. Кто-то из экипажа «Геркулеса», выгнув изо всех сил руку, выстрелил из револьвера, попал человеку в бок – тот даже не дёрнулся.

А потом от рук и плеч фигуры в белом повалил густой дым, такой же белый. Тускло засветился багровым вмиг раскалившийся металл брони; Молли увидела, как в противоположном борту броневагона распахнулась дверца, как через неё стали выбрасываться один за другим люди в форме, в чёрных комбинезонах и черных машинистских шлемах.

Прижимавшаяся к броне фигура совсем скрылась в белых клубах. Осталось только яростно пылающее пятно раскалённой стали, быстро расползавшееся по броне и вправо и влево. Молли с ужасом поняла, что нос броневагона стал вдруг оседать, словно таять, оплавляться.

Этого не могло быть! Это сон, просто сон...

А в следующий миг вагон «Геркулеса» взорвался.

– Молли!

Она подскочила. Сердце лихорадочно колотилось, дыхание сбито. Что такое, почему?.. Она, конечно, задремала над учебником – а мама тут как тут, но всё же...

– Милочка, что это за отношение к школьным заданиям?

– Я... – сердце у Молли по-прежнему бешено стучало, ладони и лоб покрылись потом, язык совершенно не слушался, – я сделала задание, мама... и написала... вот...

– Хм-м... – поджала губы мама, придирчиво глядя на аккуратные строчки. – Действительно. Что, это всё с математикой? На понедельник?

– Нет...

Молли ожидала выволочки, но мама лишь погрозила пальцем.

– Доделывайте, милочка. И покажете мне. Иначе рискуете остаться без сладкого.

– Да, мама, – поспешно пролепетала Молли, радуясь, что дёшево отделалась.

...Бронепоезд «Геркулес» успел выпустить 50 двухсчетвертьюдюймовых снарядов и 30 трёхдюймовых...

Молли сидела, невидяще глядя в задачник.

Ей, конечно, всё это приснилось. Но почему так ярко, почему она помнит всё до мельчайших деталей? Камуфляжные разводы на бортах «Геркулеса». Круглые заклёпки. Тяжёлые броневые люки. Их петли. Клубы дыма над трубами паровозов.

Что с ней случилось?

А что, если она...

Тут Молли сделалось совсем дурно. Вечный страх подползал ледяной змеей, обвивался вокруг ног, спутывал щиколотки и колени.

А что, если это – магия? Если страшная магия тянет к ней свои холодные лапы? Вдруг вот она спустится к файф-о-клоку, а по улице, несмотря на холод, снег и ветер, помчится мальчишка-газетчик, выкрикивая осипшим голосом: «Срочные новости! Экстренный выпуск! Тяжкие повреждения бронепоезда «Геркулес»! Атака варваров отбита! Поку-

пайте, покупайте экстренный выпуск! Читайте – бронепоезд повреждён, атака варваров отбита!»...

За окнами раздался какой-то шум, крики, и Молли чуть не подскочила. Бросилась к окну, прислушалась.

Нет, это не мальчишка-газетчик и не специальный локомотив с глашатаем и рупором, через который возвещались совсем уж срочные и неотложные известия. Просто констебль тащит в участок какого-то упирающегося бродягу, наверное, явившегося в приличный район побираться.

Ф-фух. Молли прижалась лбом к холодному стеклу. Нет-нет, я просто испугалась. Просто... слишком яркий сон. Ничего больше.

...Но спросить, не случилось ли чего с «Геркулесом», всё-таки следует. Ну, чтобы не мучиться.

В эту очень длинную субботу папа вернулся домой совсем поздно, но спать Молли всё равно не могла. Вертелась, крутилась, то накрывалась одеялом с головой, то сбрасывала совсем, хотя радиаторы рачительная Фанни на ночь всегда «укручивала», как она выражалась.

Наконец, не выдержав, Молли, как была в длинной ночной сорочке до пят и тёплых носках, поскакала вниз. Из гостиной доносились голоса, папа и мама разговаривали.

Мимоходом Молли позавидовала младшему братцу – спит себе, как сурок, и никакие «Геркулесы» его не волнуют.

– Молли! – Мама аж привстала из-за чайного стола, сурово сводя брови. – Как вас понимать, мисс? Почему не в постели?

– П-простите, мама. – Молли поспешно сделала книксен. – Я только спросить... спросить у папы...

– Не сердись на неё, душа моя, – примирительно сказал папа. – В конце концов, дети должны видеть отца хоть изредка, и дома, а не на работе...

Мама недовольно поджала губы, и Молли поняла, что эта дерзость будет стоить ей лишнего часа рукоделья воскресным вечером, но остановиться всё равно уже не могла.

– Я только хотела спросить, папа... «Геркулес» не вернулся? С ним всё в порядке?

– «Геркулес»? – нахмурился папа, и сердце у Молли заколотилось где-то в самом горле. Нет-нет-нет, только не это, только не это, ну пожалуйста, только не это...

– Насколько я знаю, с ними всё в порядке. – Папа принялся протирать свой знаменитый многолинзовый монокль. Дело это было трудное, требовавшее как неспешности и аккуратности, так и специальной замшевой тряпочки. – Они телеграфировали с разъезда... я справлялся, нет ли раненых, обмороженных – в предгорьях ударили вдруг лютые холода... Были какие-то мелкие стычки, «Геркулес», как всегда, разогнал варваров одним своим видом...

Молли облегчённо вздохнула. Даже не вздохнула – выдохнула, словно после долгой и донельзя трудной контрольной. Ноги у неё, правда, предательски подкосились, так что ей пришлось плюхнуться в ближайшее кресло, не спросив разрешения.

Мама, разумеется, подобного nepотребства стерпеть не могла.

– Кто вам разрешал садиться, юная леди? – поджав губы, бросила она ледяным тоном. – Совсем забываетесь, мисси!

– Простите, мама, – вновь заспешила Молли. С плеч поистине свалилась неподъёмная тяжесть. – Простите, папа. Я... я могу идти?

– Завтра два часа рукоделья вместо одного, – по-прежнему поджимая губы, вынесла вердикт мама. – Пусть это послужит вам уроком, юная леди. Забывать о приличиях нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах! Именно это – приличия и воспитание – отличает нас от варваров. Понятно вам это, мисс?

– Да, мама. – Молли решила, что будет нелишне сделать книксен.

– Дорогая, – пришёл на выручку папа. – Ну пожалуйста, не будь так уж строга к девочке. Она соскучилась, она беспокоится о героических солдатах, слугах Её Величества... Лишних полчаса рукоделья будет, по-моему, вполне достаточно.

– Ты её совершенно разбалуеть, дорогой мой Джон Каспер! Если бы я в детстве вот так ворвалась в гостиную к моей собственной мамá – или тётё Сесилии – да ещё и плюхнулась бы без спроса, то получила б от папá таких розог, что неделю бы сесть не смогла. А тут только полчаса рукоделья! Ладно, мисси, благодарите вашего сердобольного отца. Полтора часа, а не два. Но чтобы как следует! – Она погрозила пальцем. – Сама проверю! Со всей дотошностью!

– Да, мама. Спасибо, мама. Я могу идти, мама?

– Ступайте, мисс.

За спиной Молли папа сочувственно вздохнул.

* * *

В воскресенье, отсидев и службу, и проклятое рукоделье, и час присмотра за братцем, Молли наконец-то выбралась из дома. Выбралась, несмотря на пришедший с гор холод и валом валивший снег.

Низко надвинут машинистский шлем, очки-консервы, поднят воротник куртки из «чёртовой кожи» на искусственном меху – толку от него мало, но не надевать же мамой предлагаемое драповое пальто до самых пят? Ватные штаны, высокие сапоги с застёжками – настоящие егерские, как хвасталась она Сэмми.

Молли быстро перебежала дорогу, нырнула в узкий проход мусорной аллеи между двух почти впритык сдвинутых таунхаусов. Перепрыгивая через засыпанные снегом ящики с отбросами, которые из-за непогоды явно ещё не скоро вывезут, проскочила на следующую улицу. Амелиа-роуд, потом ещё один узкий проход, груды мусора у грязно-кирпичных стен, поворот, тупик, невысокая стенка – через неё Молли перемахнула играючи, вновь задняя аллея, где едва протиснется тележка уличного метельщика; широкая Геаршифт-стрит – и девочка взлетела по покрытым белым покрывалом ступеням на эстакаду экспресс-паровиков, ходивших далеко, к удалённым докам и плавильням. Пробежала до стрелки, до ответвления, свернула – дело это не самое безопасное, экспрессы ходят быстро, а эстакада узкая – едва устоишь на краю, если застигнет поезд вне рабочей площадки.

Дома и проулки уходили вниз, эстакада становилась выше – зато это был самый быстрый способ добраться до квартала, где жил Сэмми.

Улицы сжались, сузились. Стены домов надвинулись на Молли. Тут и там кварталы пересекались эстакадами – здесь скрещивалось сразу несколько экспресс-линий.

Однако Сэмми на обычном месте не было, только под мутным фонарём на перекрёстке околачивался Билли Мюррей с дружками – всем известный на пять кварталов в каждую сторону драчун и забияка. Был он одних лет с Молли, но зато на голову выше и чуть ли не в два раза шире в плечах.

– Привет, мисс Блэкуотер! Куда собралась?

– Привет, Билли! Сэма не видел?

Как ни странно, Билли, чьих кулаков отведал, наверное, любой мальчишка в ближайших и не очень окрестностях, к Молли относился со странной снисходительностью. Ну, и к её друзьям тоже.

– Сэма-то? Не. Не выходил сегодня. А вот скажи, мисс Блэкуотер...

– Билли! У меня имя есть!

– Да имя-то есть. – Билли сдвинул худую шапку на затылок, показывая внушительную шишку на лбу. Судя по всему, досталось ему от дубинки констебля. – Но когда работу ищешь, говорят, надо по всем правилам.

– Работу, Билли? Какую работу? И я-то тут при чём?

Билли подошёл ближе – руки в карманах латаного-перелатаного пальто, что до сих пор было ему длинно. Наверняка от старшего брата, что недавно завербовался во флот. Не своей волей, правда.

– Мамку рассчитали вчера, – вполголоса сказал он. Круглое лицо донельзя серьёзно. – Говорят, какая-то паровая хрень будет теперь на фабрике вместо неё. Мне работа нужна. Любая, мисс Блэкуотер.

– Рассчитали? – растерянno повторила Молли. – Ой...

У Билли, как и у Сэма, было то ли пять, то ли шесть братьев и сестёр. Старший служил и посылал какие-то деньги, но, само собой, какие особые деньги у новобранца? Папа говорил, что платят им сущие пенни.

– Так, Билли... – беспомощно сказала мисс Блэкуотер, – это тебе к мяснику надо или там к зеленщику... или в депо паровиков, которые не экспресс... им смазчиков вечно не хватает...

– Был уже, – ровным голосом сообщил Билли. – Не берут. Говорю тебе, мисс, новую хрень на фабрике поставили. И не одну. Многих рассчитали.

– На «Железных работах Уотерфорда»?

– Угу. Мамка у меня там. Была. А ещё у Джимми-дергунца родители, и у Майкла-ушастого папка, и у Уолтера-хриплого, и у другого Билли, ну, который конопатый... Многие и побежали работу искать. А я припозднился.

– Так найдёт твоя мама работу, Билли! Точно тебе говорю – найдёт!

– Может, и найдёт, – скривился мальчишка. – Где в два раза меньше платят. Прислугой какой или там полomoйкой.

Молли опустила голову. Ветер швырял на них с Билли пригоршни снега.

– Слушай, – вдруг решилаcь она. – Ты тайны хранить умеешь?

Билли снисходительно фыркнул, указал на свою шишку.

– Видела? Бобби⁵ отметил. Констебль Паркинс. А всё потому, что я говорить не хотел, кто часовую лавку обнёс на прошлой неделе.

– А ты знал разве?! – поразилаcь Молли.

– Не, – подумав, признался Билли. – Но бобке говорить всё равно не хотел! Западло. Они мамке, когда её с фабрики выкидывали, по бокам так надавали – еле до дому дотащи-лась... Так что если чего мне скажешь – могила!

– Поклянись! – потребовала Молли.

– Да чтоб мне угля наглотаться!

– Ладно. Вот тебе задаток... – Молли много читала про это в книгах. Строгий и рас-судочный детектив посылает на задание помощника, который «свой» на городском дне, и всегда вручает аванс. – Задаток, говорю! – сердито повторила она, видя выпученные глаза Билли. – Два шиллинга. Руку протяни. Раз, два. Получи. До двух-то они тебя научили?

Билли, скажем так, не слишком усердствовал в посещении школы.

– Что сделать надо, Молли? – хрипло сказал мальчишка, облизнув от волнения губы и забыв про всяческих «мисс Блэкуотер». – Побить кого? Ты только скажи, так отделаю, маму родную не вспомнит!

⁵ Бобби – презрительное прозвище полицейских.

– Побить? Не, бить не надо, – помотала Молли головой. – Надо пробраться на стоянку «Геркулеса», к механическим мастерским. И разузнать, что там и как. Всё ли с ним... с «Геркулесом» то есть... в порядке. Сделаешь – ещё три шиллинга дам.

В Норд-Йорке семья могла худо-бедно сводить концы с концами на пятнадцать шиллингов в неделю. Пять шиллингов – или четверть фунта – были дневным заработком опытного механика.

Правда, инженер получал четыре фунта в день, а добрый доктор Джон Каспер Блэкуотер – и того больше, целых десять. Двести шиллингов, в сорок раз больше хорошего рабочего...

– А у тебя есть? – жадно спросил Билли, вновь облизываясь.

Молли полезла в нагрудный карман, выудила монету в полкроны⁶, прибавила шестипенсовик и повертела всем этим у мальчишки перед носом.

– Считай, ты уже всё узнала. Скажи только, про что спрашивать?

– Н-ну... не было ли боя, а если был, то что там случилось... не погиб ли кто... Я ведь девочка, девочке ни за что не расскажут, а тебе – завсегда! – подольстилась она, и Билли немедленно выпятил челюсть.

– Понял. – Он ловко подбросил и поймал монеты. – На два дня харча хватит, а уж со всех пяти... Мамка порадуетя.

– Ты те пять ещё заработай сперва! – пристрожила его Молли, стараясь поджимать губы, как мама.

– Заработаю, не сомневайся!

– Тогда завтра? Здесь же?

– Угу, – кивнул Билли. – Побегу сейчас же, там когда вечерняя смена воскресная, пробраться легче. Ты Сэма-рыжего ещё искать будешь?

– Буду.

– Он, говорю тебе, не появлялся сегодня. Может, мамка его куда послала. Ты к ним самим зайди. Если не испугаешься.

– Вот ещё! – фыркнула Молли как можно убедительнее. – Сам-то не струсь, когда до мастерских доберёшься!

Билли только рукой махнул, исчезая в падающем снегу.

Почему она это сделала?

Не поверила папе?

Хотела убедиться сама?

Она боялась ответов на эти вопросы.

Боялась и того, что с «Геркулесом» – беда, а это значит...

Боялась и того, что папа врёт ей.

Трудно даже сказать, чего больше.

Молли прождала Сэма на их обычном месте – на остатках старой эстакады, которую по большей части снесли, когда строили доходные дома и прокладывали новые линии паровика; однако приятель так и не появился. Исчезли с засыпаемых снегом улиц и другие мальчишки с девочками. Молли поколебалась – начинало темнеть – и нехотя повернула домой.

⁶ Полкроны – два шиллинга и шесть пенсов. В одном шиллинге – двенадцать пенсов, в одном фунте – двадцать шиллингов.

Глава 3

Билли принёс ответ уже на следующий день, сияя, как новенький серебряный шестипенсовик.

Был вечер, и Молли уже с беспокойством поглядывала на фонарщиков, один за другим зажигающих газовые фонари. Воскресный снегопад прекратился, на время скрыв зияющие раны Норд-Йорка, но сажа из бесчисленных труб уже оседала на белые покрывала.

Сэмми не появился вновь, и девочка начинала всерьёз беспокоиться. Сидела на верху старой эстакады, где ещё остались догнивающие остатки деревянных шпал, и ждала, хотя уже чувствовала – Сэмми не придёт.

Зато явился Билли.

– Эге-гей, мисс Блэкуотер! – Он замахал рукой.

– Опять «мисс», Билли?

– Ты мне работу дала. – Он быстро вскарабкался по выступающим кирпичам. – Я того, сделал. Монеты при тебе? – добавил он заговорщически.

Молли позвенела полукроной и шестипенсовиком в кармане.

– При мне. Что смог узнать?

– Ух, и нелегко же было! – издали начал Билли, как и положено. – У мастерских страсть что творится – проволоку новую натянули, да ещё ярдов на двести отодвинули. Часть Ярроу и Бетельхейма отгородили, народ выселяют. Говорят, сносить будут, мастерские расширять. Стрелки стоят. С броневиками!

– Ух ты! А не врешь?

– Да чтоб мне в топке паровозной сгореть!

– Как же ты пробрался? – Молли распирало, но спрашивать напрямую было нельзя. Нельзя показывать, насколько тебе это важно.

– Да уж пробрался! – небрежно сплюнул мальчишка. – Ярроу-то они перекрыли и вход в заднюю аллею, а что туда попасть можно через окно одно с соседней Назарет – забыли! Через окно в подъезд, а там чёрный ход как раз на мусорник между Назарет и Ярроу. Я и прошёл! Аллея-то как раз выходит на зады мастерских, там их дампы стоят. Забор высокий, да только что мне их заборы! Кирпичи так криво ложены, что и безрукий влезет.

– И тебя не увидели? – восхитилась Молли.

– Х-ха! – Билли вновь сплюнул. – Увидят они меня, как же, кроты слепые. Короче, перемахнул я через забор, и ходу! Через пути. Там до черта старых броневагонов стоит, знаешь, по-моему, ещё с прошлой войны. Ну, я под ними, до главного эллинга. Там огни горят, светло как днём! Подлез чуток и заглянул...

– А чего ж заглядывал? Чего не спросил на выходе просто? – изумилась слушательница.

– Чего заглядывал? – надулся от важности Билли. – Да потому, что своими глазами увидеть должен был! Мастерские-то болтали, что, дескать, уже совсем вечером пришёл «Геркулес» и что много с ним работы будет.

– Работы... будет? – пролепетала Молли.

– Угу. Побили его сильно, говорили. Ну, я и решил – за такие-то деньжищи как же я мисс Блэкуотер дурные вести принесу, не проверив? Не-ет, надо самому, всё самому.

– Ну не тани уже! – Молли чуть не стукнула мальчишку. Тот изобразил шутейный испуг, поглубже натягивая старую заношенную кепку. Уши у Билли были красные от холода, но он, похоже, привык.

– Увидел я «Геркулес», – сообщил он торжественным шёпотом. – Во втором эллинге стоит, на яме. Побит, ага. От головного вагона только тележки и остались.

– От головного... тележки... только... – голова у Молли закружилась.

Белая фигура, прижимающаяся к размалёванной грязно-серыми и белыми разводами броне...

Вспышка, яркая, весёлая, солнечная. Словно весной, когда ветер с гор относит в море проклятые тучи, что висят над Норд-Йорком всю осень и зиму.

– Угу, тележки. А остальное всё цело. Обратно приползли, в общем. Бронепоездники злые ходят, как бульдоги. С мастерскими лаялись, сам слышал.

– Молодец, Билли, – мёртвым голосом сказала юная мисс Блэкуотер. – Вот держи свои три шиллинга... – Она невольно взглянула на его ботинки, старые и грозившие вот-вот начать «спрашивать кашу». – Пусть мама тебе обувь новую купит.

– Обувку! – присвистнул Билли. – Да ты, мисс Блэкуотер, совсем того. Какие ботинки, если в доме жрать нечего? А мамка весь день вчера плакала. И Джоди с ней, и Кейти. Девчонки, что с них взять. – Он подбросил монеты и снова поймал. – Пойду к бакалейщику. На нас шесть шиллингов долг был записан. Отдам часть, на остальное муки куплю, масла, бобов, может, даже грудинки. – Он облизнулся. – А ещё что-нибудь для тебя разузнать, Молли? Скажешь, я так аж в Правление залезу!

– И схватят тебя! Нет уж. Лучше вот чего, узнай, что с Сэмми, ага? Это нетрудно. Два шиллинга – идёт?

– Полкроны!

Молли уже хотела возмутиться... но потом взглянула на кепку Билли, что никак не соответствовала погоде, на худые ботинки, старое драповое пальто и выцветший вязаный шарф, – и не стала спорить.

– Без задатка тогда!

– Идёт! – легко согласился Билли. – Я тебе верю.

* * *

Молли притащилась домой, выслушала упрёки Фанни – хорошо ещё, мамы дома не было, ушла, как поведала служанка, на какой-то *чэрити-дinner*⁷, а то Молли влетело бы на орехи. Молодая гувернантка мисс Джессика уже уложила Уильяма спать и сама ушла, а папа пропадал в Железнодорожном клубе, хотя сегодня и был понедельник.

В своей крошечной длинной комнатке Молли, не зажигая газа, рухнула на кровать и с головой накрылась покрывалом. За такие фокусы – валяние на постельном белье в верхней одежде – полагалось самое меньшее оставление без сладкого, а если учесть, что Молли запрещалось вообще валяться, то и целый день на хлебе и воде.

«Геркулес» потерял первый броневагон. Остались одни тележки. Всё так, как в видении. В точности так.

Ой-ой-ой, мамочки...

Это неправильно. Этого не бывает. Такое случается, только если людей настигает она, страшная, гибельная магия, от которой нет спасения. Правда, подружка Эмили Данкинс уверяла, что порой люди «видят странное», когда у них начинается синяя диарея, но Эмили всей школе известная балаболка. Она хорошая, добрая, но язык совершенно без костей. А главное, потом сама же верит своим выдумкам...

Что с ней теперь будет?

Что делать, если Особый Департамент снова явится в школу со своей камерой-обскурой?

Куда бежать?

– Мисс Молли! Мисс Молли!

Это Фанни. Надо вставать. Фанни, она хорошая, но беспорядка не любит почти так же, как мама.

– Ваш ужин, мисс Молли.

Молли совершенно не помнила, что ела в тот вечер, не чувствовала вкуса еды. Фанни озабоченно на неё косилась, потом подошла, потрогала лоб. Что-то ворча себе под нос, скрылась в глубинах кухни и вернулась, вручив девочке тарелку с большим куском клубничного пудинга.

Клубнику выращивали в особых теплицах, и стоила она, по меркам семей Сэмми или Билли, целое состояние.

Обычно Молли обожала клубничный пудинг, но сейчас механически глотала мелкие кусочки нежного теста, не замечая ягод.

В прихожей квакнула паропочта.

– Кому там неймётся, – разворчалась Фанни, направляясь к входной двери.

Там из пола выходил изогнутый патрубок пневматической, или, как её называли в Норд-Йорке, паровой почты.

Шипение, чпок-чпок дверцы. И...

– Мисс Молли! – возмущённый голос служанки. Фанни, похоже, была изрядно скандализована. – В-вам, мисс...

Письмо? Ей? А что, если... У Молли подкосились ноги. Что, если Департамент уже обо всём проведал и точно знает, что она, Молли, ведьма?

А ведьмам не место в Норд-Йорке.

Фанни рассказывала, дескать, давным-давно ведьм просто сжигали. Сжигали, пока они не успели никому причинить особого вреда, прежде, чем их тела исчезали в огненных взры-

⁷ Благотворительный обед.

вах. Правда, от этого ведьмы становились только злее и до того, как их успевали разоблачить или же они взрывались сами, ухитрялись натворить немало самых настоящих бед.

– Письмо, мисс Молли.

В доме доктора Джона Каспера Блэкуотера, M.D., взглядов придерживались свободных и либеральных, однако конверт Фанни подала по всем правилам, на серебряном подносе, сама – в белых перчатках.

Конверт был самым обычным конвертом. Налеплена марка, значит, отправлено с почтовой станции, а не из дома. Домовладельцы платят раз в месяц за каждое отправленное или полученное послание, на трубе установлен особый счётчик.

*«Mr. William S. Murray
11 Holt Street, 25,
Nord York
NW 5 NY
The Kingdom*

*Miss Mollynaird E. Blackwater
14 Pleasant Street,
Nord York
NE 1 NY
The Kingdom*

*Dear Miss Blackwater,
Sammium was relocated two days ago with all of his family. The Special
Department was involved. I cannot say anything else right now. I will meet you
in person at the same place as before.
P.S. Destroy this letter immediately.
Being your most obedient servant,
William.»*

Молли уставилась на письмо широко раскрытыми глазами. Хорошо ещё рот не разинула.

Билли никогда особо не усердствовал в школе, а тут – пишет, ровно первый лорд Адмиралтейства её величеству королеве. Сколько же он времени потратил, вырисовывая все эти буквы? Наверняка по шаблону делал, если на почтовой станции. Молли сильно сомневалась, что дома у Билли вообще бы нашлись перо и чернила.

И только тут до неё дошло, о чём же, собственно, писал Билли.

Сэмми попал в Особый Департамент.

Со всей семьёй.

Билли не писал, у самого ли Сэма отыскалась склонность к магии, то ли у кого-то из его многочисленных братьев и сестёр. Может, скажет сам.

Чёрт, сказала про себя Молли. Вслух не рискнула – Фанни от такого подскочила бы до потолка и точно наябедничала бы маме. Ни чертей, ни ведьм, ни тем более магии служанка семьи Блэкуотеров на дух не переносила.

Чёрт, повторила она. В животе стало очень холодно, противно и неуютно.

Неужели Сэмми исчезнет так же, как исчезла Дженни Фитцпатрик?

И на улицу сейчас не выскочить. Мама вернётся в любую секунду. Да и Фанни ни за что не её не отпустит.

Молли закусила губу. Билли не мог не понимать, что ей далеко не всегда удаётся выйти из дома так легко и просто.

И весть не подашь. Счётчик крутанётся, папа непременно осведомится, какую отправляли корреспонденцию.

Только ждать. Тем более что Сэмми уже ничем не поможешь – его и всю семью, скорее всего, давно уже отвезли на юг...

– Кто это вам пишет, мисси, хотела бы я знать?

Рядом с Молли возникла подбоченившаяся Фанни.

– Подружка. Ты её знаешь, Фанни, – Эмили. Эмили Данкинс.

– А, такая с волосами чёрными, как сажа?

– Ага. Предупреждает, что завтра в школу не придёт, извиняется, она мне книжку вернуть должна была...

И, болтая самым непринуждённым образом, юная мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, номер 14 по Плэзент-стрит, проходя мимо камина, небрежно уронила туда мгновенно вспыхнувший конверт.

* * *

С этого вечера у Молли в соседях прочно обосновался страх. По-хозяйски завалился к ней в комнату, расселся и явно никуда не собирался уходить.

Молли замерла на постели, накинув одеяло на плечи. Ладони зажаты между коленями, она застывшим взглядом смотрела на дрожащий огонёк толстой свечи. Ни спать, ни даже просто лежать она не могла. Сэмми увезли. Смешного конопатого Сэмми, её верного рыцаря. Почему, отчего? У него начала проявляться магия, и Особый Департамент оказался тут как тут? Или не у самого Сэма, у кого-то из его родни? У братьев, у сестёр, у мамы?

Неважно. Теперь их нет, никого, и они никогда уже не вернуться в Норд-Йорк. Даже если у самого Сэмми не отыщется ни грана этой самой магии, он останется на юге Королевства. В приюте, то есть в работном доме. Или в лучшем случае в патронажной семье.

Молли попыталась представить, как она сама приседает перед чужой насуспенной женщиной с полным красноватым лицом, как лепечет «пожалуйста, простите меня, мадам», а у мадам уже закатаны рукава серого уродливого платья, а ладонь сомкнулась на пучке розог.

Давно настал вечер, сгустилась тьма, вернулась со званого обеда мама, на локобмиле приехал из клуба папа; Фанни встретила их в прихожей, подала поздний чай. Молли слышала приглушённые голоса родителей в гостиной, но даже не шелохнулась, хотя раньше наверняка побежала бы их встретить; сейчас она могла думать только о Сэмми. И о «Геркулесе».

Надо быть очень, очень осторожной. Никто ведь не знает наверняка, есть у неё эта самая магия или нет. В конце концов, могло ведь всё это быть просто совпадением? Да и Сэмми не имеет к ней, Молли, никакого отношения, это совсем другое дело. Так чего же она трясётся, почему приходится так себя успокаивать? Другу Сэмми уже ничем не поможешь, разве что самой отправиться на Юг его разыскивать – их ведь уже наверняка отправили из Норд-Йорка...

Молли так и забылась тревожным зыбким сном сидя, привалившись к стене.

На следующий день вновь повалил снег. Повалил в таких количествах, что кое-где стали останавливаться паровики и локобмилы. На улицы выехало несколько зверообразного вида снегоуборщиков, Молли раньше всегда любила смотреть, как их лапы ловко загребают сугроб за сугробом, отправляя снег на транспортёр. Из трубы валит пар, снег растапливается – эта вода пойдет на всякие нужды в депо и мастерских.

У рачительных хозяев Норд-Йорка ничего не пропадает зря.

Голова у Молли после вчерашнего гудела и раскалывалась. Она попыталась было покалничить, но нарвалась на поджатые мамины губы и выразительное: «Моллинэр Эвергрин!»

Пришлось, выслушав многословные воспитательные тирады, выползть за дверь и тащиться в школу.

За порогом по лицу сразу же хлестнула жёсткая снежная крупа пополам с угольной гарью. Небо нависало, свинцово-чёрное, и дым из бесчисленных труб Норд-Йорка смешивался с низкими, перевалившими Карн Дред облаками.

До школы Молли последовательно налетела на констебля, едва увернулась от локомотива и в последний момент выскочила из-под колёс подкравшегося незаметно паровика. Вагоновожатый проводил её возмущённым свистом.

В школе тоже всё пошло сикось-накось и шиворот-навыворот.

На математике Молли долго и тупо пялилась в написанную на доске задачу: «Из гавани Дунберри и порта Норд-Йорк одновременно вышли навстречу друг другу дестроер и монитор...» Перед глазами немедленно появлялся изувеченный «Канонир», и Молли аж затрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения.

– Мисс Блэкуотер! У вас горячка? Что за кривляния? Уже решили задачу? Покажите... почему страница чистая? Что значит «ещё не взялись»?.. Посмотрите, другие уже заканчивают!

Молли обмакнула перо, но видела вместо разлинованной бумаги и набухающей чернильной капли лишь низкие тучи, косые шеренги бесконечных волн и борющийся с ними низкий монитор. Слева по борту вздымались дикие скалы негостеприимного вражеского берега, над острыми вершинами то и дело что-то бесшумно вспыхивало – вернее, не совсем бесшумно, с коротким запозданием докатывались громовые удары.

Четырнадцать дюймов, не меньше. Четырнадцатидюймовые орудия BL Mk II, длина ствола 35 калибров, вес снаряда 1410 фунтов, максимальная дальность стрельбы...

– Мисс Блэкуотер!

Монитор с трудом удерживается на курсе. Оба его орудия главного калибра задраны вверх, с наибольшим углом возвышения. Вспышка, дым, вырывающийся из стволов – корабельная артиллерия бьёт перекидным огнём куда-то вдаль, за линию береговых скал.

Море возле самого борта монитора вдруг вскипает, чёрная вода сменяется вихрем белой пены, и могучий корабль вздрагивает, словно налетев на камни. Но нет, откуда здесь камни?..

По палубе под струями секущего дождя бегут матросы в штормовках, тащат нечто вроде здоровенного куска брезента. Из белой пены у борта возникает что-то иссиня-чёрное, не поймёшь, то ли камень, то ли живое существо. Это чёрное вздыбливается до самых лееров, металл гнётся, палуба опасно кренится, и монитор, отчаянно гудя – словно призывая на помощь, – даёт задний ход. Инерция продолжает нести его вперёд, правый борт сминается, словно не из крепчайшей стали, а из гнилой фанеры.

– Мисс Блэкуотер!

Молли подскочила.

– В кабинет директора. Немедленно, – над ней нависала пышущая гневом математичка.

Директриса, миссис Линдгроув, к Молли вообще-то всегда благоволила. Ещё бы, Молли всегда получала высшие баллы для школы на ежегодных городских испытаниях по математике, черчению и физике.

– Что случилось, Молли, дорогая? Ты нездорова? Миссис Понитис подала на тебя уведомление...

– Д-да, госпожа директриса. – Молли разглядывала носки собственных ботинок. – Нездоровится. Да.

– Почему же ты не пошла к фельдшеру, мисс Найтуок? Почему не заявила учительнице перед началом урока?

– Д-думала, что справлюсь, госпожа директриса.

– О-хо-хо, – вздохнула миссис Линдгроув. Она была уже немолодой и, несмотря на должность, не злой. В её школе учениц секли, но так дело обстояло везде. – Иди-ка ты домой, Молли.

Это было совершенно неожиданно.

– Д-домой, госпожа директриса?

– Да, домой. Не до тебя сейчас. Ты отлично учишься, а каждый может почувствовать себя плохо. К тому же... – она встала, отодвинула штору, – к нам опять пожаловал Особый департамент. Что-то зачастили они последнее время...

Ноги у Молли почти превратились в кисель.

А что, если это – за мной? Если они узнали, что я дружу... дружила... с Сэмом, и теперь будут меня... того? А что, если Билли попался и выдал, что это я послала его разузнать, что случилось с Сэмми, а до этого ещё и с «Геркулесом»?

– Беги домой. – Миссис Линдгроув поднесла ладонь ко лбу, как бы в крайнем утомлении. – Выспись как следует. Расскажи папе, доктор Блэкуотер – прекрасный врач, он, несомненно, разберётся. Иди, Молли, иди. Мне надо встретить достопочтенных джентльменов Департамента.

Молли кое-как собрала книжки, накинула куртку, в два оборота замотала лицо шарфом. Швейцар мистер Баннистер как раз читал доставленную паропочтой записку миссис Линдгроув, что ученица мисс Блэкуотер отправлена домой распоряжением госпожи директрисы.

– Поправляйтесь, мисс. – Он вежливо приложил два пальца к козырьку вычурной фуражки.

– Спасибо, мистер Баннистер. Я...

Молли не закончила. Широкие двери школы распахнулись; пятеро или шестеро высоких мужчин в форменных кожаных пальто до самых пят, высоких крагах, кожаных же перчатках и круглых очках-консервах, как у самой Молли, шагнули через порог.

– Минутку, мисс, – жестяным голосом сказал шедший впереди, – покорнейше прошу задержаться. Проверка Особого Департамента. Пожалуйста, вернитесь в свой класс.

– Мисс нездоровится, она отпущена решением госпожи директрисы. – Отставной егерь, мистер Баннистер читл дисциплину.

– Она не умирает и не истекает кровью, – сухо возразил департаментщик. – Вернитесь в свой класс, мисс.

На рукаве у него, пониже эмблемы Департамента, красовались три угольчатых шеврона. У остальных – по одному.

Делать нечего. Молли очень медленно повернулась на негнущихся ногах и потащилась следом за проверяющими. Один из них нёс на плече треногу, двое других – камеру под холщовым покрывалом.

– Поторапливайтесь, мисс.

Мисс пришлось поторопиться.

...В классе шла уже знакомая процедура. Одна за другой девочки усаживались перед камерой, один досмотрщик крутил ручку, другой заглядывал куда-то во чрево аппарата; и несчастной бледной ученице, к её великому облегчению, разрешалось встать.

– Мисс Блэкуотер! Ваша очередь.

Ей показалось или досмотрщик с тремя шевронами как-то очень нехорошо на неё поглядел?

Ноги по-прежнему еле слушались, душа ушла в пятки, сердце бешено колотилось. Магия... папа... мама...

– Смотрите в объектив, мисс, не вертитесь, – сухо бросил департаментщик.

Молли собрала все силы и взглянула прямо в тускло поблёскивающие линзы. В тот миг они показались ей нацеленным прямо на неё орудийным стволом.

Рука в кожаной перчатке двинулась, Молли услышала, как внутри камеры негромко шелестят зубчатые шестерёнки.

«Их не смазывали, – подумала она. – Давно уже не смазывали. Наверное, некому. Они там все такие важные, ловят тех, у кого проявляется магия, а до шестерёнок в камере ни у кого не доходят руки...»

Она вдруг стала с такой настойчивостью думать об этих несчастных шестерёнках, остающихся голодными без доброго машинного масла, что досмотрщику пришлось повторить ей дважды, что она свободна и может встать.

Домой Молли летела. Слабость из ног ушла, словно... словно по волшебству.

Фанни, конечно, заохала и заохала. Из гостиной появилась мама, выразила некоторое беспокойство. Впрочем, у Молли не было температуры и вроде как ничего не болело.

– А, ну понятно, – переглянулись мама с Фанни. – Идите ложитесь, Молли. Уроки сделаете после, если будете хорошо себя чувствовать.

К вечеру Молли совсем пришла в себя. Она должна, обязательно должна повидать Билли. Он небось уже второй день ждёт её на остатках старой эстакады; она была местом их с Сэмом, теперь, похоже, будет её и Билла...

...Из дома она смогла выбраться только послезавтра. Ничего сверхъестественного с ней за это время не произошло, и Молли слегка воспряла духом. Она осторожно повыспрашивала у папы, что может случиться с теми, кого «отправили на Юг» из-за магии, найденной у кого-то в семье, а когда доктор Блэкуотер выразительно поднял бровь, торопливо рассказала об исчезнувшей Дженни Фитцпатрик.

– Ничего плохого, конечно же, – пожал плечами папа и тотчас принялся немилосердно тереть свой многолинзовый монокль. – Разумеется, у кого нашли магию, тому не позавидуешь: их держат взаперти, в особых камерах... пока магия не достигнет... э-э-э...

– Джон Каспер Блэкуотер! – возмутилась мама. – Зачем вы ведёте с Молли столь неподобающие разговоры?!

Папа немедленно смутился и более не продолжал.

С Билли они встретились, когда на Норд-Йорк опять навалилась метель. Зима выдалась куда холоднее и многоснежнее обычного. Билли замотал лицо шарфом, то и дело заходясь в кашле.

– Они забрали Сэмми, всю семью. И отца его тоже, представляешь? Привезли под конвоем.

– Так а у кого нашли магию-то?

Билли только махнул рукой и поспешно спрятал мерзнущие ладони обратно в рукава худого пальто.

– У двоих сразу, представляешь? У мамыши Сэммиума и у его младшего брата.

– Погоди, у Джорджа, что ли?

Билли покачал головой.

– Не смог узнать. Но у кого-то из младших, да. И всех забрали.

– А как узнали-то? – не отставала Молли. – В школе?

– У мамки-то его – на фабрике. Внезапная проверка. Приехало две команды с этими, как их, ну, которые на треногах. Людей просвечивают. Говорят, тогда магия видна становится. А потом, я узнал, и домой пришли и давай всю ребятню просвечивать тоже. Ну и... братца зацепили.

– Это ж жуть какая-то, да, Билли? Живёшь, никого не трогаешь, а потом р-раз – и говорят, что нашли у тебя магию. И... и всё.

– Это как чума красная, – авторитетно заявил Билли, шмыгая носом и безо всяких церемоний утирая соплю рукавом. – Тоже вот живёшь так, а потом р-раз! Сосед, старый Митч, рассказывал: в семьдесят шестом, в Петуарии, народ болел – то ж самое было. Сегодня здоров, завтра кровью харкаешь, а послезавтра и вовсе помираешь. Так что, мисс Молли, ещё что-нибудь для тебя узнать?

– Нет пока, – вздохнула Молли. – Как мама-то у тебя, работу нашла?

– На биржу ходила, – скривился Билли. – Говорят, «мы вам сообщим». Завтра к старым докам пойдёт, там подённую работу найти можно. И я вместе с ней, если ты, мисс, мне ничего не подкинешь. Ты подумай, точно никого поколотить не требуется?

Молли грустно покачала головой.

Никому уже не помочь. Ни робкой, молчаливой Дженни; ни верному другу Сэму. Остаётся только дрожать, вспоминая яркие пугающие видения – и с «Геркулесом», и с монитором.

И как тогда, на последний проверке – теперь вспоминала она – старший из департаментских... как-то нехорошо он на неё смотрел. Или это уже, что называется, у страха глаза велики?

* * *

Мало-помалу приближалось Рождество. Молли старалась в школе – скоро дадут полу-годовые табели, а мама не признаёт никаких оценок, кроме «AAE»⁸, выведенных каллиграфическим почерком миссис Линдгроув.

Билли крутился поблизости, но таким другом, как Сэм, всё-таки не стал. «Геркулес» и «релокация» семьи Сэмми их сблизили, но не до тесной дружбы.

На развалины старой эстакады Молли ходила по-прежнему. Почему-то там было легче справляться с собой, когда тоска становилась совсем уж чёрной.

Билли словно чувствовал, возникал из вечерних сумерек, садился рядом. Они молчали. Иногда мальчишка осведомлялся, нет ли у мисс Молли какой-нибудь работы. Молли становилось стыдно – она предложила как-то Билли несколько шиллингов «просто так», однако он отказался.

– Не, мисс Молли. Я так не привык. Мы с мамкой отродясь не побирались. Ничего, справимся.

...В тот день Молли уныло шагала домой, увязая в нападавшем на день снегу. На остатках эстакады она просидела почти полчаса, но Билли не появился.

Снега валили с самого начала декабря. Улицы Норд-Йорка было некому расчищать, машины не справлялись.

И тогда Молли и увидела вновь тех самых Rooskies.

Трое. В ярких оранжевых жилетах поверх рубаш – знаменитые touloupes куда-то исчезли, – они грузили снег в кузов локомотива.

Трое. Двое немолодых бородачей и... и тот самый мальчишка, которого она, Молли, впервые увидела возле «ворот номер четырнадцать».

Работали все они легко, словно и не приходилось им ворочать пласты слежавшегося снега, перемешанного с угольной гарью. Наблюдал за ними один-единственный констебль, и притом не похоже было, что он особенно опасается побега своих подконвойных.

Молли пригляделась – нет, ни цепей, ни каторжных ядер, ничего. Rooskies были свободны... ну, почти свободны.

⁸ AAE – Above All Expectations, Сверх всяких ожиданий.

Отчего-то это... разочаровывало. Варвары в книгах были дремучи, яростны, неукротимы и предпочитали смерть плену – ну, разумеется, до того, как главный герой, джентльмен Королевства или же леди, не объяснял им их заблуждения.

Rooskies, загадочные обитатели северных стран, областей за Карн Дредом, которые королевским картографам так и не удалось нанести на чертежи, не должны были покорно грузить снег! Вот просто не могли, и всё.

И уж в особенности не должен был старательно трудиться под присмотром одного-единственного констебля мальчишка с соломенными волосами и жёстким, волчьим прищуром серо-стальных глаз.

Не волк он уже тогда, а... а...

Молли замедлила шаг. И вдруг поняла, что Rooskii видит её. И не просто видит, а знает, кто она, что узнаёт её. Причем узнаёт, даже не повернувшись, не взглянув на юную мисс Блэкуотер.

Справа и слева по Плэзент-стрит горели газовые фонари, светились витрины приличных – здесь других не водилось – магазинов. Торопливо шагали леди и джентльмены, медленно проезжали тяжёлые локомобили, невдалеке свистел, готовясь отправиться от остановки, местный паровичок. Линия только пересекала Плэзент-стрит – помилуйте, мама Молли никогда б не согласилась жить «с этими ужасными свистками и гудками под самыми окнами».

Тихо и мирно всё. Стоит, позёвывая, ещё один констебль, глядит на карманные часы, верно, кончается смена.

– Стой! Куда!

Молли подпрыгнула: из часовой лавки Каннингхема и Прота, пригибаясь, вдруг вырвалась донельзя знакомая фигурка, бросилась через Плэзент-стрит, ловко нырнула чуть ли не под колёса локомобилиа и помчалась дальше, к просвету меж домами, где начиналась мусорная аллея, что вела в сторону Геаршифт-стрит.

Билли. И что-то прижимает к груди.

Ой-ой-ой!..

– Стой, воришка! – вдогонку за Билли мчались сам мистер Каннингхем, тощий, длинноногий, и двое его приказчиков. – Держите его! Полиция! Полиция! Держи вора!

Молли оцепенела, прижимая ладошку ко рту.

Очень удачно по Азалия-стрит подкатывал паровик – Билли лихо проскочил прямо перед ним, несмотря на негодующие свистки машиниста, мистер Каннингхем и его приказчики поневоле замедлились, однако на другой стороне Билли нарвался прямо на констебля, что сторожил троицу Rooskies.

– Стой, паршивец! – И констебль ловко соскочил с кузова локомобилиа, направляя на Билли револьвер.

Он не шутил.

Билли растерялся лишь на самый миг, но констеблю этого хватило. Рука его в кожаной перчатке немедленно и крепко вцепилась Билли в воротник.

С другой стороны Плэзент-стрит показался хорошо знакомый локомобиль в цветах Особого Департамента.

Билли забарахтался в воздухе, отчаянно пинаясь. Здоровяк-констебль легко удерживал его над мостовой.

– Держи... ах... ох... ух... вора!.. – подоспел запыхавшийся мистер Каннингхем. – Да, это он, это он, ух... ох... благодарю вас, констебль...

Двое старших Rooskies по-прежнему меланхолично закидывали снег в кузов. Они даже не обернулись, словно показывая, что происходящее их никак не касается.

Зато обернулся мальчишка. Впрочем, и он тоже смотрел отнюдь не на дёргающегося Билли. Он смотрел на Молли, смотрел прямо в глаза, невежливо, нахально и совершенно, ну совершенно по-варварски!

Словно ждал чего-то.

Констебль отвлёкся, однако никто из Rooskies не попытался бежать. Кидали себе снег, да и всё. Равнодушные, покорные.

Мальчишка же стоял, опершись на лопату, и глазел на Молли.

Билли меж тем поставили на ноги, и мистер Каннингхем, уперев руки в боки, что-то возбуждённо излагал констеблю. Тот, успев пристегнуть Билли наручником к длинной и тонкой цепи, приклёпанной к форменной портупее, с важным видом записывал показания владельца лавки в книжечку, поминутно кивая. Потом грубо дёрнул отворот пальто Билли, запустил руку тому за пазуху, извлёк на белый свет что-то золотисто блеснувшее. Карманный хронометр.

Молли мысленно застонала. Билли, Билли, ну какой же ты дурачок!..

Она должна что-то сделать. Попавшегося на краже малолетнего воришку закуют, как взрослого, отправят к судье. Присяжных ему, само собой, не полагается. Судья определит наказание – рабочий дом для малолетних. Впрочем, это только так называется – «рабочий дом», а на самом деле чистая каторга.

Она знала, где в Норд-Йорке такой дом. В южной части, за старыми доками, зажатый меж двумя дымящимися трубами заводов – сталеплавильного и сталепрокатного. Видела тех, кто угодил «в работы». Правда, видела всего один раз, когда они с мамой ехали на локомотиве к Южному вокзалу. Мама поджимала губы и громко жаловалась, что на здешних улицах приличному джентльмену, не говоря уж о леди, и появиться страшно, а Молли, расплющив нос о стекло, смотрела, смотрела и смотрела на громадные здания фабрик, казавшиеся неведомыми чудовищами, обвитыми паропроводами, словно кровеносными артериями и венами.

Их соединяли арки эстакад, грубо склёпанные из стальных ферм, по ним туда-сюда сновали паровики, иные, чем в городе, низкие и пузатые, даже на вид куда мощнее.

И рядом с ними, прямо по рельсам, тащилась длинная цепочка мальчишек в оранжевых жилетах поверх арестантских роб.

Вот туда и попадёт Билли.

Он уже не сопротивлялся, шмыгал носом, глядя в землю.

Локомотив Особого Департамента притормозил было, однако не остановился, медленно проехал мимо.

«Сейчас», – услышала Молли.

Беги, Билли!

Она закричала. Или это ей только показалось? Однако она очень-очень чётко вдруг представила, как у пытящего локомотива, в который пленные Rooskies грузят снег, из топки вырывается сноп пламени, клапана срывает, из каждой муфты, из каждого золотника бьют струи свистящего пара, локомотив судорожно дёргается, словно лошадь под кнутом.

Констебль от неожиданности взмахнул руками, как-то неловко задел пряжку собственной портупеи, и она расстегнулась. Билли, не будь дурак, в один миг подхватил упавшую цепочку от надетого ему на запястье браслета и кинулся наутёк – в ту самую мусорную аллею, оставив в руках констебля добычу, новенький хронометр.

– Держи! Держи-и-и! – хором завопили и констебль, и мистер Каннингхем, и оба его приказчика. Не успевший далеко отъехать локомотив Департамента окутался паром и встал как вкопанный.

Констебль дёрнулся было вдогонку за Билли, но вовремя вспомнил о вверенных его попечению подконвойных. Мистер Каннингхем топал ногами, но, получив обратно свои

часы, гнаться за кем бы то ни было явно не намеревался. Оба приказчика тоскливо переглянулись и, вяло крикнув «держи!» пару раз, затрусили следом за Билли ко входу в аллею.

Не догонят ни за что, подумала Молли. Аллея соединяла Плэзент-стрит с Аме-лиа-роуд, а следующей была уже Геаршифт с эстакадой скоростного паровика, за которой начинались совсем другие кварталы. Там Билли, если не знать, кто он, хоть год ищи, не сыщешь.

Молли очень осторожно повернулась. Локомотив, где ещё совсем недавно гордо восседал констебль, замер, накренившись набок, одно из колёс как-то странно вывернулось. Облако пара окутывало его по-прежнему, а языки пламени, вырвавшись из топки, жадно лизали всё вокруг, словно надеясь отыскать хоть что-нибудь годное в пищу, кроме холодного металла.

Локомотив Особого Департамента дал задний ход.

– Вот ведь что за чертовщина! – Констебль сокрушённо всплеснул руками. – Мистер, вы, э-э-э...

– Каннингхем, констебль. Микаэль Дж. Каннингхем-младший, – с готовностью выпалил хозяин часовой лавки.

– Э-э-э, мистер Каннингхем, вы уведомление о правонарушении составлять желаете? – судя по виду констебля, ему этого бы отчаянно не хотелось. И мистер Каннингхем всё понял правильно.

– Уведомление о правонарушении, констебль? О нет, к чему лишние бумаги? Похищенное возвращено, мальчишка не нанёс никакого ущерба, наверняка уже далеко, в своих трущобах. Вот благодарственное отнесение вашему начальству я бы составил с превеликим желанием, констебль!..

– Весьма признателен, мистер Каннингхем, весьма признателен!.. – подкрутил усы констебль. – Эй, вы, работай давай! – гаркнул он на пленных. – Что, непонятно? Rabotai! Trud, trud! Bistro!

Пленные задвигались чуть живее.

Мальчишка коротко оглянулся, вяло и как бы равнодушно скользнул глазами по улице. Угол Плэзент-стрит и Азалия-стрит уже возвращался к обычной жизни: покачивая головами и повозмущавшись падением нравов, шли себе дальше леди и джентльмены, няня в длинном пальто что-то наставительно втолковывала мальчику и девочке лет пяти-шести, нагибаясь к ним и указывая пальцем на аллею, где скрылся Билли.

Молли столкнулась с мальчишкой-Rooskii взглядом и тотчас отвернулась.

«Иди домой», – услышала она.

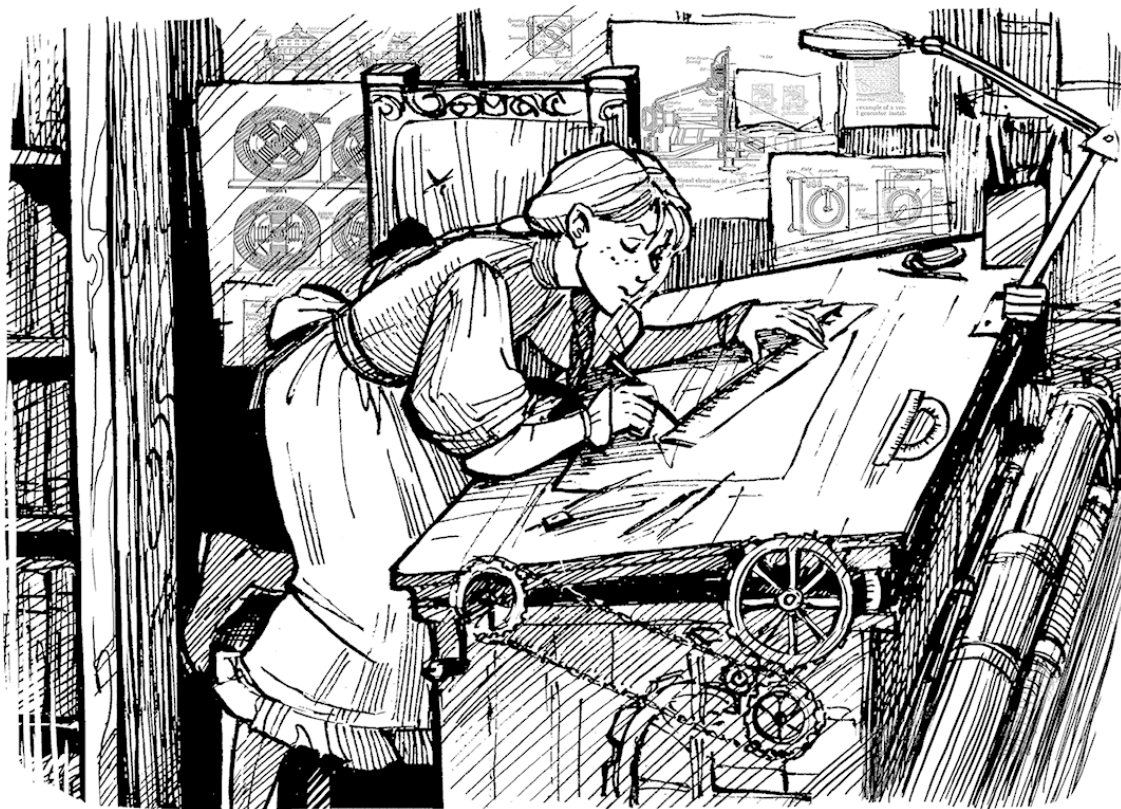
Не задаваясь вопросом, кто это говорит и откуда, просто сделала как сказано.

Позади неё локомотив Особого Департамента замер возле вытянувшегося во фронт констебля.

Трое Rooskies по-прежнему грузили снег, пребывая во всё той же меланхолии.

Глава 4

Молли понимала, что Билл должен исчезнуть. Во всяком случае, именно так поступили и герои всех её любимых романов. Конечно, юная мисс Блэкуотер прекрасно знала, что воровать очень нехорошо. Но... но мистер Каннингхем был, во-первых, и так богатый, во-вторых, очень вредный, и, в третьих, Билли надо было помогать маме. Благородные разбойники всегда грабили богатых и делились добычей с бедными. Об этом тоже писалось во множестве прочитанных Молли книг.

У Билли мама осталась без работы. Ему самому её найти тяжело. «Кто не успел, тот опоздал». Даже если возьмут младшим смазчиком, платить будут хорошо если два пенни за целый день...

Не, не, тут даже и сомневаться нечего, потрясла головой Молли. Билли скрылся. Не ищи его сейчас. Он тебя сам отыщет, если что. И вообще, вот-вот Рождество, оценки в школе хорошие, снова тянет чертить корабли и рисовать фантастические паровые шагоходы.

А магия... что магия! Привиделось что-то. Совпало. Её ведь просветили департаментские, просветили и ничего не нашли. Так что успокойтесь, мисс Моллинэр Эвергрин, и забудьте об этом.

А локомотив тот тоже сам взорвался.

Она не знала, откуда пришли эти спокойствие и уверенность. Может, из снов? Ей теперь почти каждую ночь снились сны, яркие, цветные – с расстилающимися бескрайними, уходящими за горизонт заснеженными лесами, белыми просветами покрытых льдом озёр. Со вздымающимися горными пиками, что стоят неколебимой стеной, защищая лесную страну. С реками, с быстрыми водопадами, срывающимися со скал и не замерзающими даже в лютую стужу.

Это были просто леса, леса и ничего больше.

Но отчего-то Молли становилось покойно, тревоги уходили. И наутро снова хотелось рисовать.

Однако теперь всё чаще она рисовала не дестроеры с мониторами, не бронепоезда с орудиями, а те самые горы. Просто горы, увиденные во сне. Срывающиеся с них серебристо-льדיстые потоки, ускользающие, словно жемчужные змейки, куда-то на полночь. Низкое зимнее солнце над уходящими в бесконечность лесами. И ещё одну гору, отдельную, чёрную, единственную из всех, не одетую снегами, как иные вершины Карн Дреда. Собственно, она вообще не была частью хребта, отделявшего Королевство от Диких Земель. Молли рисовала её всегда стоящую сама по себе, и лесное море билось, словно прибой, о её иссиня-чёрные, словно закопчённые, склоны.

Откуда это, что это и почему, Молли не задумывалась. Просто рисовала.

Ей почему-то казалось, что теперь всё наладится. Вообще всё-всё-всё. Жалко Сэмми и его семью, жалко Билли. Но последнего, похоже, всё-таки не поймали. Молли несколько раз сходила в те кварталы, перебросившись парой фраз с полужнакомыми ребятами, о которых упоминал в разговорах Билли – он исчез. Правда, его мать не особенно беспокоилась, а отвечала примерно так же, как родители несчастной Дженни Фитцпатрик: Билли уехал в поисках работы к дальнему родственнику, правда, не на юг, а на запад.

Всё это, конечно, были просто уличные слухи, но так хотелось верить, что у Билли всё хорошо! И что Сэмми, который, как утверждал тот же Билл, никак не был замаран с магией, попадёт в хорошую приёмную семью – бывают ведь хорошие приёмные семьи, правда?

Живи и радуйся, Молли.

Рождество подкатывало, по улицам в витринах лавок и магазинов выставляли ёлки, богатые дома украшались гирляндами и венками из омелы. Зажигались большие цветные фонари со свечами. В газете изо дня в день рассказывали о неторопливом, но верном продвижении доблестных горнострелков и егерей к перевалам; весной, утверждалось, войска двинутся уже за Карн Дред. «Геркулес» получил новый броневагон, отремонтировали старичка «Гектора», и бронепоезда, оглашая паутину рельсовых путей пронзительным свистом, раз за разом отправлялись на север.

И мониторы с крейсерами и дестроерами тоже не отстаивались в гавани, несмотря на пронзающий ветер с гор. Всё шло самым наилучшим образом. Папе, правда, теперь приходилось проводить всё больше и больше времени в разъездах на своей паровой дрезине, пользоваться больных и раненых.

Никакие видения больше Молли не посещали. Всё, случившееся так недавно, стремительно начинало казаться просто дурным сном – все её страхи, предвидения и прочие загадки.

У неё ничего нет. Нет никакой магии. Совершенно не о чем беспокоиться.

Несколько раз она встречала на своей улице и на соседних всё того же мальчишку из пленных Rooskies – он то грузил какие-то мешки и ящики, то, стоя на опасно покачивающейся лестнице, исправлял газовый фонарь, чему Молли несказанно удивилась: как это дикий варвар может что-то там исправить?

Но постепенно он тоже становился чем-то привычным, частью городского пейзажа, как и разносчики, трубочисты, зеленщики, молочники, вагоновожатые, извозчики и прочий им подобный люд.

В тот день – ровно за неделю до Рождества, когда в Норд-Йорке наконец-то смогли очистить улицы и площади от некстати нападавшего снега, – Молли возвращалась домой по нарядной Плэзент-стрит. Соскочила с подножки пересёкшего улицу паровичка и весело, вприпрыжку, побежала домой.

Между тротуаром и проезжей частью, то уворачиваясь от колёс локомотивов, то кидаюсь к ногам прохожих, металась большая, красивая кошка. Ухоженная и пушистая, явно домашняя. Металась, отчаянно мяукала, искательно глядя снизу вверх на людей: «А я точно не ваша кошка? Может, это вы меня потеряли?..»

Кошку Молли всегда хотелось. Но, увы, с мамой это выходило за грани возможного, и тут не помог бы даже папа.

Тем не менее шаг Молли невольно замедлила. Как же ты оказалась на улице, такая красивая, чистая, бело-палевая, совсем не похожая на тощих и облезлых обитательниц помоек?

По Плэзент-стрит среди других не шибко многочисленных локомотивов двигался и локомотив с эмблемой Департамента. Мельком Молли подумала, что стала встречать их невдалеке от своего дома слишком уж часто: вспомнить хотя бы день, когда чуть не попался Билли!

Кошка, едва не получив пинок от какого-то раздражённого джентльмена, обиженно и разочарованно взмякнула и кинулась прямо на дорогу.

– Ой! – не успела испугаться Молли.

Локомотив Департамента вдруг нелепо дёрнулся, из цилиндра ударила со свистом струя пара. Насмерть перепуганная кошка взвилась, только не в ту сторону, и Молли уже видела, как на неё накатывается массивное заднее колесо локомотива.

– Нет-нет-нет-нет! – Молли сжала кулаки, прижимая их в ужасе к лицу. – Нет-нет-нет, увернись, пожалуйста!

И схватила кошку за шиворот.

Вернее, ей, конечно же, показалось, что схватила. Потому что где она – и где кошка?

Тем не менее кошку и впрямь словно бы выхватила из-под колёс и отбросила прочь чья-то невидимая рука. И она же, эта рука, резко дёрнула за рычаг тормоза в локомотиве так, что тот заскрежетал, окутываясь облаками пара.

Донельзя похоже на то, как случилось с Билли.

Кошка присела, попятилась – а потом вдруг бросилась напрямик к Молли.

Из накренившегося набок локомотива поспешно выбрались двое в длинных кожаных пальто и сверкающих шлемах с чёрно-бело-красными короткими плюмажами.

Выбрались и тоже решительным шагом направились прямо к Молли.

Кошка, мурлыча, принялась тереться ей о ноги. Похоже, она не сомневалась, что нашла себе новую хозяйку.

Молли, оцепенев, не чуя собственных колен, только хлопала глазами, глядя на приближающихся департаментских.

Кошка вдруг резко выгнула спину, хвост встал трубой, и она яростно зашипела – ей, похоже, сотрудники Особого Департамента чем-то очень не понравились.

Оба мужчины остановились, нависая над Молли. Очки-консервы опущены – как и у самой мисс Блэкуотер, – и за ними не видно глаз.

– Как вас зовут, мисс? Имя, фамилия, место жительства?

Кошка неистово шипела.

«Соври!» – резко вспыхнуло в голове.

– М-мэгги, сэр, – пролепетала Молли. – Мэгги Перкинс. То есть М-маргарет. Маргарет Перкинс, сэр.

– Место жительства, мисс... Перкинс? – Один из департаментских достал переплетённый в кожу блокнот с вытисненной эмблемой их службы.

– Пистон-стрит, 21, квартира 19! – без запинки выпалила Молли и только потом сообразила, что назвала адрес Сэмми. И не только адрес, но и его фамилию. Больше того, у Сэмми действительно имелась старшая сестра Маргарет.

– Благодарю, мисс Перкинс. Думаю, вам придётся отправиться сейчас с нами, вашим родным мы сообщим по почте.

– М-мне? С-с вами? – Молли попятилась. В животе сжался ледяной липкий комок, ноги подкашивались самым постыдным образом.

– Да-да, с нами, – кивнул один из департаментских. – Покажите ей жетон, Джоунс... «Беги!» – вновь раздалось в голове.

Однако ноги у Молли совершенно ослабели, она глядела на возвышающихся над ней мужчин зачарованно, словно птичка на удава.

«Беги!» – уже с каким-то отчаянием выкрикнул голос.

И вновь она не сдвинулась с места.

Раздался грохот. Справа, у стены, рухнула высоченная приставная лестница, а вместе с ней свалился...

Тот самый Rooskii. Тот самый мальчишка. Вместе с ним грохнулись мотки каких-то не то проводов, не то верёвок, молоток, целый набор шлямбуров, отвёрток, гвоздей, дюбелей и шурупов. Всё это богатство разлетелось по булыжному тротуару, а сам мальчишка, изо всех сил выкрикивая с диким акцентом: «Сорри! Сорри!», метнулся прямо под ноги департаментским.

«Беги, дурёха!»

– Ты, бестолочь! – заорал один из них. Нагнулся, схватил мальчишку за шиворот.

– А... э... сорри, сэр... сэр, пли-из... сэр... – жалобно заскулил тот, умильно-униженно складывая руки.

У Молли словно что-то взорвалось внутри. Ноги сами рванули с места.

Оба охотника смотрели сейчас только на неуклюжего мальчишку. Неподвижно застывшая робкая девчонка, конечно же, не способна никуда деться.

И вновь кто-то словно вколачивал в сознание Молли команду за командой:

«Первый шаг медленно. За локомотив. Второй быстрее. Смотри, паровик! Паровик на пересечке! За ним! Быстрее! Прыгай!...»

...Со стороны это всё выглядело вполне заурядно и обыденно. Достопочтенные джентльмены Особого Департамента задали какие-то вопросы прилично одетой девочке и явно разрешили ей уйти. Потому что она отнюдь не помчалась от них сломя голову, а вполне спокойным шагом отправилась к паровику, и лишь видя, что он вот-вот отправится, побежала за вагоном.

– Уф-ф... – вырвалось у Молли. Она протянула кондуктору проездной, тот кивнул, сунул в пасть паровому компостеру, повернул рычаг.

Ничего вокруг себя не видя, Молли протиснулась в глубь паровика. Осторожно глянула в промежуток между пассажирами – оба департаментских судорожно озирались, явно её разыскивая. Мальчишка по-прежнему ползал у их ног, надо полагать, бормоча извинения с жутким своим акцентом.

Паровик пересёк Плэзент-стрит, и локомотив Особого Департамента скрылся из виду.

Молли соскочила, не дожидаясь следующей остановки, когда кондуктор смотрел в другую сторону. Соскочила и сразу же бросилась в проём между домами, шмыгнула между мусорными баками, повернула раз, другой, третий...

Эти места она знала лучше, чем собственные пять пальцев.

Над землёй здесь тянулись выгнутые наподобие огромных колен газопроводы, Молли одним движением взлетела на них по ржавым ступеням и залегла, забившись меж двумя широкими трубами.

Локомотив Особого Департамента стоял всё там же, а вот оба достопочтенных джентльмена в касках с чёрно-бело-красными плюмажами, словно безумные, бежали от него в разные стороны.

По-прежнему ползал на коленях, собирая своё добро, мальчишка-Rooskii.

Молли выжидала. Сердце колотилось безумно, однако она выжидала. И, когда сияющие каски Департамента удалились достаточно далеко, быстро спустилась и перебежала дорогу.

– Мяу! – настойчиво сказала бело-палевая кошка, проскакивая мимо Молли в переднюю. Молли аж на месте подпрыгнула от неожиданности. Ну и дела! Значит, кошка не потерялась, последовала за паровиком – как только не отстала, не сбилась с дороги!.. Умна, ничего не скажешь.

Через порог она махнула одним движением, так, что и не остановишь. Замерла на миг, огляделась, вновь уверенно сказала: «Мяу!» Звучало это так, что, мол, «теперь я твоя кошка».

И взбежала на мягких лапках вверх по ступеням. Не пошла в кухню, откуда тянуло вкусными запахами, не сунулась к двери в подпол, где жили крысы, с завидной регулярностью пугавшие и маму, и Фанни – нет, сразу махнула на второй этаж.

Молли бросилась следом.

– Мисс Молли! – раздалось возмущённое.

Фанни. Ну конечно же. Ещё большая ревнительница приличий, чем мама.

Пришлось задержаться.

Молли изо всех сил старалась вести себя как ни в чём не бывало, весело отвечала что-то Фанни, не запоминая ни вопросов, ни собственных слов.

Зачем она потребовалась Департаменту? Куда её хотели увезти, что с ней сделать? Ой-ой-ой, она ведь уже почти поверила, почти успокоилась, что никакого отношения к магии не имела и не имеет!

Они решили, что она – ведьма? Что... что вытащила кошку из-под колёс благодаря этой самой «волшебной силе»?

Ой. Ой. Ой.

Молли поднялась наверх, к себе. Ничего не видя вокруг, плюхнулась на кровать. Рука погрузилась во что-то мягкое, шелковистое, довольно заурчавшее.

Кошка! Свернулась себе клубком на покрывале, словно целый век тут прожила!

– Что же мне с тобой делать... – прошептала Молли, глядя в большие зелёные глаза.

– Мр-р! – решительно сказала кошка. И потёрлась о Моллины пальцы.

«Тут чеши, хозяйка».

Молли почесала кошку за ухом.

– Пыр-р! – сказала та, довольная, и прижмурилась.

Отчего-то рядом с урчащей кошкой становилось не так страшно.

Но ведь она теперь преступница! Убежала от дознавателей Особого Департамента. Конечно, узнать её будет затруднительно. Низко надвинутый шлем, очки, нос и рот Молли обычно закрывала маской или, когда было лень, заматывала шарфом, хотя сегодня он, как назло, сполз. Тем не менее так просто её не опознаешь. Конечно, адрес и фамилию они проверят... а там будет написано, что Маргарет Перкинс со всей семьёй подпала под релокацию. Наверняка найдётся и световая карточка, но, опять же, так просто не установишь, кто есть кто. Начнут посылать сообщения, запросы, какое-то время потребуется, чтобы получить ответы, сопоставить, решить...

И тогда они, конечно, поймут, что кто-то назвался именем девочки, уже давно находящейся на Юге Королевства, в приёмной семье... или в приюте, кто знает.

И только после этого они вновь вернутся на Плэзент-стрит.

Но они вернутся. Непременно.

Станут обшаривать дом за домом. Медленно, неторопливо и методично. Пока не найдут.

И что ей делать тогда?

И что ей делать, если... страшно даже подумать... если всё-таки это та самая *магия*?

Она сидела, раскачиваясь вперёд-назад, и гладила кошку. Гладила и гладила, слушая довольное пырчание, зарываясь пальцами в мягкую чистую шёрстку.

«Кто же выбросил тебя, такую красивую, такую ласковую?» – невольно пожалела её Молли, несмотря на все беды сегодняшнего дня. Эх, хоть бы разрешили оставить... но ведь не разрешат. Скажут: «Чтобы дряни этой тут не было! Немедленно! Сейчас же!..»

– Мисс Молли! – в дверях застыла донельзя скандализованная Фанни. Застыла, словно монумент Обличающего Долга. – Что *это*? Вот *это*? На покрывале?!

В груди Молли шевельнулась глухая злость. Мне ничего нельзя, у меня никого не осталось. А теперь отберут и кошку...

– Это кошка, Фанни.

– Вижу, мисс, что не крокодил! – Горничная упёрла руки в бока. – Ваша матушка, миссис Анна, будет очень, очень недовольна. Давайте-ка по-хорошему, по-быстрому выкинем эту тварь через заднюю дверь, и всего делов. А, мисс Молли?

– Это *моя* кошка, Фанни.

– Ну-ну, мисси, – сощурилась служанка, – посмотрим, что скажет миссис Анна. А я уж ей сообщу, не сомневайтесь. Потому как за этой дрянью убирать ничего не буду.

– Ш-ш-ш-ш! – ответила кошка. И слегка подобралась.

– Ишь ты, ещё шипеть на меня будет! – рассвирепела Фанни. – Ну всё, мисси, я иду. К вашей матушке!

– Ступайте, Фанни. – Молли очень старалась, чтобы это прозвучало бы холодно и строго.

– Хм! – Служанка гордо задрала нос, повернулась и затопала вниз по лестнице. – Миссис Анна! Миссис Анна! Тут у нас такое...

– Сейчас нас выгонять будут, – шёпотом сказала Молли кошке, словно та могла её понимать. – Но ты не уходи далеко, хорошо? Я тебя подкармливать буду. Может, у нас на заднем дворе поживёшь?

– Мр-р, – задумчиво сказала кошка. И встала.

– Молли! – это уже мама. И, естественно, вне себя от ярости. – Молли, как вы могли... как вы дерзнули... потрясающе... вопиющее непослушание... не будь я человеком современным, клянусь, выпорола бы вас так, что на всю жизнь бы запомнили!..

Молли очень захотелось спросить маму, пороли ли её саму так, что она «запомнила на всю жизнь». Но испугалась – испугалась саму себя, поднимающуюся откуда-то из глубины холодную, ледяную злость, жестокую и рассудочную.

– Немедленно! Чтобы этой хвостатой... хвостатой гадости здесь не было! А потом лично, мисси, лично, ручками всё тут отмоете и перестираете! Я не собираюсь заставлять делать это беднягу Фанни!

– Мр-р, – ободряюще сказала кошка, глядя на Молли. Та осторожно протянула руки, и кошка дала себя взять.

– Фу! – брезгливо отстранилась мама. – Помойкой-то как разит!

Это было неправдой. Кошка совершенно не пахла никакими помойками, но возражать было уже бессмысленно.

Молли медленно шагала вниз по ступеням. Словно конвой, позади спускались мама и Фанни.

– На улицу эту тварь! Быстро! – приказала мама.

Фанни, удовлетворённо ухмыляясь, протопала в кухню.

– С вашего разрешения, миссис Анна, пойду. У меня соус доспевает.

– Конечно, конечно, Фанни, милочка. А вы, мисси, – я кому сказала? Тварь – на улицу!

– Хорошо, – сквозь зубы ответила Молли. – Только можно тогда на задний двор? Не хочу, чтобы её сразу же убили.

Молли опустила обязательное «мама», но это, похоже, прошло незамеченным.

– Ладно уж. – Мама поджала губы. – Но только быстро! И чтобы я видела!

Она широким и быстрым шагом направилась через гостиную в кухню.

Молли плелась следом, держа на руках спокойно помуркивающую кошку.

Фанни с выражением нескрываемого удовольствия распахнула заднюю дверь, что вела к мусорным бакам.

– Быстро!

Молли вышла на середину кухни и остановилась.

Мама и Фанни обе глядели на неё.

А из угла кухни на них всех глядела крыса.

Огромная, отвратительная и наглая крыса. Серый крысук.

Крыс в Норд-Йорке было немало. Их травили, но без особого успеха; мама, смертельно их боявшаяся, регулярно нанимала крысоловов и крысобоев, раскидывавших в подвале и на заднем дворе отравленные приманки. Правда, помогало это не очень. Если же честно – то не помогало совсем, по мнению Молли.

Крыса выбежала из угла, ничего не боясь, потрусила через кухню.

И тут её заметили и Фанни, и мама.

Дальнейшее не поддавалось никакому описанию.

Фанни завизжала, кинулась к дверям, словно хотела их захлопнуть, внезапно передумала, бросилась обратно. Заметалась бестолково, хватаясь то за угольный совок, то за щипцы.

Мама же – мама издала душераздирающий вопль, не крик даже, не взвизг, а именно вопль, пронзавший стены и перекрытия и, не сомневалась Молли, слышимый во всём квартале. В следующий миг мама взвилась в воздух, совершив головокружительный прыжок – в длинных юбках до самых пят! – и вскочив с пола прямо на высокий разделочный стол.

И затопала ногами, подбирая подол, словно крыса только и думала, чтобы по складкам ткани взобраться наверх и впиться ей в лицо или в руку.

– И-и-и-и-и! – завизжала Фанни, тоже вспрыгивая на табурет.

– А-а-а-а-а! – вопила мама, вся содрогаясь так, что Молли испугалась, что её сейчас хватит падучая.

– Мр! – коротко сказала кошка. Мягко извернувшись, словно нечто текучее, постоянно меняющее форму, так же мягко, но очень сильно оттолкнулась – Молли аж отшатнуло назад – и взвилась в воздух.

Это был великолепный бросок. Бросок, достойный льва или даже тигра. Крыса дёрнулась, кинулась наутёк, но было поздно.

Кошка придавила её лапами, впилась когтями. А затем стремительно вонзила зубы крысе в холку, вздёрнула и тряханула.

Крыса обвисла и больше не шевельнулась.

Кошка так и застыла, держа крысу в челюстях и выразительно глядя то на маму, то на Фанни.

– И-и-и... – наконец перестала визжать горничная. – М-миссис Анна...

– О-она м-мёртвая? – совершенно серьёзно спросила бледная как смерть мама у кошки.

Кошка, разумеется, ничего не ответила. Только потрусила неспешно к открытой двери на задний двор, скользнула через порог.

Несколько секунд никто не шевелился.

А потом в проёме вновь появилась бело-палевая пушистая кошка, уже без крысы. Она вопросительно глядела на маму и словно чего-то ждала.

– Х-хорошая к-кошечка... – пролепетала мама слабым голосом.

– Видите, мама, какая от неё польза! – тотчас кинулась в атаку Молли. Упускать такой момент было никак нельзя.

– Да, крысоловка отменная, – признала и Фанни, утирая пот. – Ох, и не люблю же я этих тварей – крыс, конечно! – быстро поправилась она, отчего-то странно взглянув на кошку. – Но как поймала-то, миссис Анна! Как поймала!

– Н-ну, мисс Моллинэр... – Мама глядела вниз, явно не понимая, как это она ухитрилась так высоко запрыгнуть. – Э-э-э... подайте мне стул, мисс, будьте любезны... что ж... кошка... да... может... быть полезна. Пожалуй... учитывая ваши отметки, кои весьма неплохи, весьма... можете её оставить.

– Ура! – не сдержалась Молли.

– Но, мисс, вы будете целиком и полностью ответственны за чистоту, кормление и за...

Дальнейшая речь миссис Анны Николь Блэкуотер особого интереса не представляет.

...Ночью Молли лежала в постели. Рядом, на её руке, обняв предплечье лапками, посапывала кошка. Оставалось только придумать ей имя...

– Ди. Диана. Я назову тебя Дианой⁹, – сонно пробормотала Молли. Отчего-то помуркивающее пушистое существо, придавившее левую руку тёплой тяжестью, успокаивало, отгоняло чёрные мысли. – Раз уж ты такая охотница...

Новоиспеченная Ди, она же Диана, приподняла круглую голову, раскрыла большущие зелёные глаза. Одобрительно сказала негромкое «мяу», поёрзала, устраиваясь поудобнее на Моллиной руке и мигом заснула.

Молли тоже проваливалась в сон, и на сей раз это вновь был яркий, праздничный и очень спокойный сон. Она опять видела исполинскую чёрную гору, очень похожую на ту, что она рисовала, поднимающийся над сумрачным великаном дымок. Взгляд её вновь скользил над заснеженными лесами, замечая то белого по зимнему времени зайца, то глухаря или тетерева. Лоси брели куда-то целым стадом, пробирались своими тропами волки, мышковали на открытых пространствах лисы. Жизнь, совершенно не похожая на узкие улицы Норд-Йорка, на эстакады и дымы, жёлтые окна и битком набитые паровики. Во сне Молли ничего подобного не было. Один лишь лес, великий лес, лес без конца и без начала, лес изначальный, лес, из которого всё вышло и куда всё вернётся.

И Молли видела, как это случится – как деревья выбрасывают несчитанное множество семян, как подхватывают их ветра, послушные воле лесов, как несут над острыми пиками Карн Дреда, как они оседают на землю – повсюду. На железнодорожных путях и заводских крышах, на улицах и площадях, на грязных мусорных аллеях и на громадных складах угля, добытого в близлежащих шахтах, и стали, выплавленной в печах Норд-Йорка.

И как потом, когда с юга приходит тепло, эти солдаты армии Севера пробуждаются к жизни. Тончайшие корни, такие слабые, которые так легко вырвать, находят самые мелкие трещины в кирпичной кладке или в булыжной мостовой. Несмотря ни на что, дотягиваются до земли, забитой в оковы улиц, заключённой в кандалы фундаментов. Дотягиваются и начинают расти с поистине дивной быстротой.

Выворачиваются из насыпей рельсы и шпалы, лопаются костыли, отскакивают гайки, срывая резьбу. Пар свистит из прободённых корнями паропроводов, сдвигаются с опор мосты, не в силах противостоять натиску зелёного воинства. Иные деревья жертвуют собой – на заводах вспыхивают пожары, когда оказываются пробиты резервуары с газом. Но на смену сгоревшим встают новые; а другие, вырастая на крышах обычных домов, пускают корни аж до подвалов, расшатывают перекрытия и балки, стены трескаются, и в эти трещины врываются кавалеристы-выюны, что поднимаются снизу, из замусоренных дворов.

⁹ Диана – древнеримская богиня охоты.

И наконец всё начинает рушиться. Над грудями камней, над железными балками, над рухнувшими мостами и эстакадами, прорастая, словно через рёбра скелета, поднимается новый лес. Он не считает потери. Он пришёл, чтобы победить.

Как ни странно, Молли это ничуть не пугало.

Глава 5

Утром она проснулась свежей и бодрой, выскочила из кровати даже до того, как Фанни принялась колотить в её дверь. И за завтраком даже обычное нытьё братца Уильяма, равно как и его дразнилки с подначками, не смогли испортить ей настроение.

Она думала про магию, но думала без прежнего ужаса. И даже обстоятельства её знакомства с Особым Департаментом отчего-то уже не пугали, не повергали в панику.

Наверное, всему причиной была Ди. Спустившись вниз вслед за Молли, кошка поскребла лапкой в закрытую дверь подпола. Фанни поморщилась было, но Диана тихонько мяукнула, потёрлась о её ноги, искательно заглянула в глаза – и служанка, что-то беззлобно ворча себе под нос, приоткрыла створку. Ди молнией метнулась вниз и очень скоро появилась обратно, таща за загривок задушенную крысу.

Мама снова взвизгнула, но уже не столь громко. Молли сорвалась с места, распахнула заднюю дверь – Диана ровной трусой выскользнула на улицу и вскоре вернулась, уже безо всякой крысы. Скромно мяукнула, скромно же отошла в уголок, где Молли поставила ей миску, и принялась вылизываться.

– Отличная крысоловка, миссис Анна, – одобительно сказала Фанни.

Мама слабо кивнула, но на Ди уже смотрела безо всякой неприязни.

Братец Уильям с воплем: «Киса!» – кинулся было тискать Диану, однако та ловко ускользнула, отбежав подальше.

– Не трогай её, – вдруг сказала мама. – Кошке надо привыкнуть. Подожди, она сама к тебе придёт.

– Но я хочу-у-у сейча-а-ас!

– Хочется-перехочется. Перетерпится, – невозмутимо ответила мама. – И вообще, мастер Уильям, у вас все щёки в каше. Немедленно умываться!..

Молли смотрела на маму, на брата, на Фанни, на Диану – и ей было хорошо. Очень хорошо. Так хорошо, как не было уже очень, очень давно, с того самого дня, как исчезла Дженни Фитцпатрик, а в душе поселилась неизбывная тревога.

Время шло, до Рождества оставалось два дня, начались долгожданные каникулы, а настроение у Молли оставалось по-прежнему хорошим. Как по заказу, исправилась погода. Повсюду уже развешаны гирлянды, стоят нарядные ёлки, над каминами – непременно чулки для подарков, на каждой двери – венки из омелы или же еловых веток и красно-белых листьев рождественской звезды – словом, свершилось то, от чего на душе под Рождество становится светло и сказочно. За этой близкой сказкой Молли совсем позабыла про недавние тревоги.

День начинался замечательно, просто великолепно. И всё оставалось великолепно ровно до того момента, пока Молли не пришлось выскочить на улицу по мелкому поручению – мама послала к зеленщику. Не пробежав и двадцати ярдов, она вдруг натолкнулась на собственную физиономию.

Ну, вернее, не совсем собственную.

На круглой афишной тумбе красовался новенький, только что расклеенный, как видно, плакат Особого Департамента.

С крупной картинкой, изображавшей некую девочку, в машинистском шлеме и надвинутых на глаза круглых очках-консервах. Нижняя часть лица открыта и даже несколько похожа на Моллину – подбородок с ямочкой, например, но в остальном – никак не опознаешь.

«Разыскивается, – гласил плакат, – ведьма».

Да, именно так. Ведьма.

ВЕДЬМА

«Опасный уровень магии... нуждается в немедленной изоляции и релокации... поданным Её Величества, обладающим какими бы то ни было известиями об оной ведьме, вменяется в обязанность незамедлительно сообщить в Особый Департамент...»

Всё как обычно.

Она уже видела такие листовки, только на них всегда были совсем другие лица. Без очков.

Плохи у вас дела, Департамент, вдруг весело и зло подумала она. Не можете меня разыскать, не можете! Вот и клеите что ни попадя. Такие очки-консервы у всех! Да и шлемы не редкость, у многих отцы в горнострелках, в егерях или в железнодорожных экипажах.

Ищите-ищите. Клейте-клейте. Никогда вы меня не найдёте!

И только теперь она заметила локомотив Департамента и троих мужчин в форменных касках, стучащихся в двери дома по Плэзент-стрит, 8.

Ну конечно. Там живёт Аллисон МакНайер, одних лет с Молли. Когда-то они играли вместе, пока были маленькие, а потом Молли стало неинтересно – ей нравились дестроеры, мониторы и бронепоезда, Алли же любила кукол, мягкие игрушки и сказки про принцесс.

Значит, Департамент проверяет все дома в округе, где они меня видели...

При этой мысли удаль, владевшая Молли, мгновенно съёжилась и исчезла. Остался только страх. Прежний ледяной страх.

Департамент здесь. Они не те глупые злодеи из книжек. Осматривают всё. Не оставляют ни одной прорехи.

Ноги подкашивались, дыхание пресекалось. В висках билась кровь, Молли почти ничего не видела перед собой. Бежать! Забиться с головой под одеяло, и пусть всё это окажется дурным сном! Пусть папа, большой и сильный, пусть он это как-нибудь уладит!.. Он ведь всё может!..

Но, несмотря на ужас, несмотря на заледеневшие внутренности, Молли не ускорила шаг, не побежала. Вместо этого быстро юркнула в аллею между домами, мигом оказавшись на заднем дворе своего собственного.

Они будут здесь вот-вот, лихорадочно думала она. Узнают? Или нет? Лучше подождать, посмотреть, что случится, если они придут, а меня дома нет?

На заднем дворе Молли мигом взлетела по полуобвалившейся кирпичной стене туда, где проходили газовые трубы. Проползла по узкому гребню, затаилась – её защищал верх перпендикулярной стены, она же могла видеть, что творится и в кухне, и в гостиной.

Мама и Фанни, как обычно днём, дома. Мама уходит вечерами, когда начинаются званные мероприятия.

Молли стала ждать. В груди бухало, щёки горели, живот опять болезненно сжался.

О! Что это? Никак зашли?..

Точно. Прошли в гостиную; начищенных касок с плюмажами так и не сняли. Ого, и тренога с камерой при них! Мама им что-то толкует. Спина у мамы очень, очень прямая, руки она держит перед грудью, не то что сама Молли, вечно не знающая, куда их девать...

О, протянули маме какую-то бумагу...

Молли сощурилась. Ба, да это тот самый плакат!

Мама смотрит. Отрицательно качает головой. И ещё раз. И ещё. Один из департаментских ставит на пол треногу с камерой. Наверное, хотят снова проверить.

Ага, точно. Мама гордо вздёргивает голову – Молли знает этот жест, мол, что за чепуха! – и с видом оскорблённого достоинства садится прямо перед объективом. Один из департаментских крутит ручку сбоку... замирает на миг... кивает.

Мама встает, гордо расправив плечи. И, не сомневается Молли, на лице у неё сейчас доступное только настоящей леди выражение «говорила же я вам!», от которого бледнеют и трясутся даже закалённые норд-йоркские констебли.

А потом приводят Уильяма. Братец слегка напуган и жмётся к Джессике. Всех сажают перед камерой – и отпускают. Не исключая и Фанни. Им остаётся проверить только папу, но его сейчас нет...

Молли почти убедила уже себя, что никакой магии у неё нет и быть не может. Локомотив, когда убегал Билли, сам сломался. Кошка Ди сама в последний момент вывернулась из-под колёс, а машина Департамента, опять же, наверняка налетела колесом на вывернувшийся из мостовой булыжник.

Так чего же она боится? Почему благовоспитанная девочка, дочь уважаемого доктора Джона Каспера Блэкуотера, сидит на верхотуре, не замечая холода и ветра, вместо того чтобы

гордо, совсем как мама, с видом оскорблённого достоинства зайти домой, сесть перед камерой, раз и навсегда посрамив Особый Департамент?

Но они уверены, что имеют дело с ведьмой. Почему? Отчего? Так просто? А вдруг не просто?

Но, сколько бы ты ни пряталась, они придут снова. И снова. Или оставят вызов с требованием явиться в Департамент самим. Что тогда сделают папа с мамой?

Молли не знала. И не знала, с кем посоветоваться. Билли исчез, как в воду канул, и по сей день она не имела от него никаких известий.

Так... Особый Департамент, кажется, удовлетворился. Забирают свою треногу... уходят... точно.

Молли мигом соскользнула вниз. Из мусорной аллеи она отлично видела, как трое мужчин в блестящих касках с чёрно-бело-красными плюмажами загрузили в локомобиль свою треногу с камерой и отъехали.

Молли провожала их взглядом, пока они не свернули на Азалия-стрит, и только тогда побежала домой.

Кошка Ди бросилась к ногам, тревожно мяукая.

– Мисс Молли! – на маме не было лица. Вся белая от ужаса.

– Мисс... Молли, дорогая моя, что делается? Почему тут ходят джентльмены из Особого департамента? Разыскивают... разыскивают... – голос у мамы вдруг сломался, – девочка, к-которая... на улице...

– Мама, о чём вы? – неведомо как, но у Молли это получилось вполне удивлённо, но в то же самое время и беззаботно. Внутри, правда, всё заходило от страха, а ноги едва держали. – Мало ли девочек? Я вон видела, они к Аллисон в дом заходили...

– Они... они ищут не просто девочку... ищут девочку, к-которая... – мама в ужасе закрыла лицо руками, – которая подобрала кошку! Бело-палевую уличную кошку! Как твоя Диана!

Молли ощутила, как ей словно со всей силы дали под дых.

Кошка. Ну конечно же, кошка! Большая, красивая, пушистая и... приметная.

Конечно, её запомнили.

– Они спросили, не приводила ли ты в последнее время кошек... – продолжала мама, – счастье, что Ди спряталась, как знала, и миску её ты убрала как раз... Я... мне пришлось сказать, что никаких кошек у нас тут нет и не было...

– И я подтвердила, – мрачно заявила Фанни. – Не было, дескать, у нас тут никаких кошек отродясь, вот хоть у соседей спросите, миссис Анна их терпеть не может...

– О-они г-говорят... – стенала меж тем мама, заламывая руки, – что ищут в-в-ведь...

– Ведьму, – мрачно сказала Молли. – Ага, даже плакаты повесили. Разыскивается...

– М-молли... это... это ты? – пролепетала мама и пошатнулась.

Молли кинулась, схватила её под руку. Вдвоём они доковыляли до кресла в гостиной.

– Мой несессер... – Мама запрокинула голову, прижала ладонь ко лбу тыльной стороной. – Там... нюхательные соли...

Из кухни высунулась Фанни, тоже бледная как смерть.

– Мисс Молли... что ж это творится-то? И мистера Джона, как назло, дома нет...

– Всё. Будет. Хорошо, – твёрдо сказала Молли, поднося к маминому лицу её флакончик с нюхательной солью. – Это просто недоразумение. Всё разрешится.

– О-особый департамент оставил бумагу... – Мама еле разлепляла губы. – Нам велено явиться с тобой туда завтра... проверка... на наличие... магии...

– Ну, значит, сходим, – пожала плечами Молли, собрав всю храбрость. А что ещё она могла сейчас сказать? – Меня проверят и отпустят. Всё как обычно.

– П-правда? – Мама совершенно по-детски схватила Молли за руку, искательно заглядывая ей в глаза. Словно это ей, а не Молли было двенадцать лет.

– Конечно, правда, мама! Не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Можно, я пойду к себе?

– И-идите... мисс...

Фанни, тревожно поглядывая на Молли, засуетилась вокруг мамы.

– Позвольте, помогу вам, миссис Анна... вам надо в постель...

Молли на цыпочках поднялась к себе. Хорошо, что братец Уильям занят с гувернанткой и ни о чём, похоже, не подозревает. Его проверили, приключение закончилось, можно возвращаться к игрушечным паровозам и бронепоездам.

А ведь их всех станут проверять, вдруг подумала Молли. И... подвергнут релокации, если у меня... если со мной... если я окажусь...

Бежать, вдруг подумала она. Бежать куда угодно, только бы их не тронули. Была такая Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, а теперь и нет. На нет и суда нет, как говорил Сэмми. В конце концов, маму и братца проверили, с ними всё в порядке.

Их не тронут. Конечно же, нет. Если Молли исчезнет, с ними всё будет в порядке.

Исчезнет? Куда исчезнет? Зачем? Ведь может быть, она ещё не...

Угу. Как же. Особый Департамент не сомневается в том, что ты – ведьма. И они знают про кошку Ди. Значит, она должна исчезнуть вместе со мной.

Исчезнуть. Потому что она, Молли, как настоящая леди, должна быть уверена, что с её мамой и папой, с братиком, с Фанни и Джессикой – что с ними всё хорошо.

А значит, надо бежать.

Ой-ой-ой, как это так – бежать? Куда бежать? К кому бежать? Сейчас, зимой? Где она станет жить? Где добудет пропитание?

Вопросы бились в голове, словно мячи для лаун-тенниса.

Конечно, бежать некуда. Но... один выход у неё всё же оставался. Не самый лучший, но всё-таки.

И, если у неё нет никакой магии, она вернётся. Потом. Когда-нибудь. Когда будет твёрдо уверена.

А если магия есть...

Что ж, пусть тогда она настигнет её, Молли, где-нибудь в глухих лесах, там она никому не причинит вреда...

В глазах защипало.

Молли решительно достала из-под кровати свой скаутский рюкзак из коричневой толстой кожи со множеством отделений и карманов.

Она знала, что делать. В конце концов, не зря же она дружила с Сэмом и поддерживала знакомство с Билли! И она не кисейная барышня, как Аллисон.

Тёплые штаны. Рейтузы. Ещё одни. Фуфайка. Свитер. Шарф. Маска. Запасные очки. «Вечная» зажигалка. Карманный нож, предмет дикой зависти брата Уильяма. Ремни. Шлем с тёплым подшлемником. Мазь от мороза. Перчатки. Варежки. Компас. Книжечка топографических карт.

Молли лихорадочно собиралась. Надо бежать, надо бежать. Пусть потом сюда приходят. Девочка? Какая девочка? Нет никакой девочки. Ищите сколько угодно. Следите за домом. Проверяйте.

Носки, толстые и тонкие. Шерстяные гольфы. Тёплые сапоги на застёжках.

Свинья-копилка с дыркой в пузе, заткнутой круглой пробкой – Молли жалко было разбивать смешную глиняную хрюшку. Монеты... несколько банкнот... всё, скопленное за последний год на большую модель дредноута «Орион» с настоящей паровой машинкой внутри.

Куртка.

Так, где они там все?

Ага, в спальне у мамы...

Молли тенью скользнула вниз по лестнице.

Гостиная. Кухня. Дверь на задний двор. Хорошо смазанные петли не скрипнули.

Ди, где Ди? Где эта кошка?

У ног раздалось сердитое «мрряу!», мол, где же мне ещё быть, как не тут?

Порыв ветра в лицо.

Беги, Молли, беги!

Молли только вздохнула. И бросилась наутёк.

Через заднюю аллею, мимо чужих дверей, мимо куч мусора, мимо крыс, приснувших в разные стороны при виде бесшумно стелющейся Ди – Азалия-стрит, где рельсы паровичка, восемь кварталов по ней вниз, туда, где обитали Билли и Сэм.

Это была другая дорога; сегодня Молли не рискнула отправиться, как обычно, эстакадой скоростных паровиков. Кто знает, вдруг разыскивающий её Департамент следит за ними с особой тщательностью...

Молли очень торопилась. Уйти подальше, как можно дальше, затеряться в лабиринтах Нижнего Норд-Йорка, пронизанного эстакадами и тоннелями.

Уйти подальше, пока не поднялась тревога.

Она выдержит. Она сможет.

Короткий зимний день кончался. Тьма накатывала на Норд-Йорк, хорошо ещё, что после снегопадов установилась обычная для декабря погода, без морозов и метелей.

Молли прочитала достаточно книг о путешествиях и путешественниках, чтобы знать, что долго на холоде она не выдержит. Надо было найти убежище на ночь.

Кошка Ди не отставала ни на шаг.

Свернув очередной раз в мусорную аллею, где не светили газовые фонари, Молли вдруг замерла, прижимаясь к стене, – следом за ней с улицы, где проходили рельсы городского паровичка, шагнула какая-то фигура.

Шагнула – и остановилась, широко разводя руки.

Кошка Ди прижалась к ногам Молли.

– Девочка, – сказал низкий и сильный голос со странным акцентом. Впрочем, нет, так говорил тот самый мальчишка-Rooskii, свалившийся с лестницы, когда она выручала Диану!

Сухой треск, словно рвётся плотная мешковина. Прямо перед прижавшейся к стене Молли засветился огонёк, тёплый, желтоватый, будто от свечки. Поплыл по воздуху, замер, выхватив из тьмы лицо того самого мальчишки. Соломенные волосы, жёсткие сощуренные глаза. Сейчас он совершенно не казался покорным и угодливым.

– Пойдём, девочка, – просто сказал он. – Пойдём, charodeika.

Последнего слова Молли не поняла.

– К-кто ты?

– Всеслав моё имя. Вы звать мой народ Rooskies.

На родном языке Молли он говорил сносно, хоть и с сильнейшим акцентом, забывая артикли и неправильно используя инфинитив.

– Почему ты идёшь за мной?

– Потому что за ты гнаться. Такая volshebnitsa, как ты... они ты бояться.

– Кто они? Что такое... э-э-э... volsh'ib... как ты меня назвал?

– Ведьма.

– Я не ведьма! – отчаянно запротестовала Молли.

– Тогда почему ты бежать? И, если ты бежать, я могу помочь.

– Не твоё дело, Rooskii!

– Я уже помогать тебе, – спокойно сказал мальчишка, немилосердно терзая грамматику. – Koshka. Помнить? Э-э-э... кошка?

– Ты упал специально?!

– Конечно. Иначе они схватить тебя, volshebnitsa, а ты ещё не есть готов.

– К чему готов?

– Использовать магию, – эти слова он произнёс без ошибок.

– Ты знаешь про магию?

– Я знать о многое. Смотри этот огонь.

Пламя свечи поплыло от мальчика по имени Всеслав к Молли и обратно. Это была не лампа, не фонарь, а просто колышущийся лоскуток огня. Мальчишка принял его в ладонь, словно Прометей на картинке в одной из Моллиных книг.

– Он тебя не обжигает? – глуповато спросила Молли. Она глядела на огонёк в полном оцепенении.

– Если ты бежать, – уже настойчивее повторил мальчишка, – я помогать тебе сейчас.

– Не нужна мне никакая помощь! – Молли лишь плотнее прижалась к стене.

Всеслав вздохнул.

– Они поймать тебя завтра. Собаки. След.

– Завтра меня тут не будет!

– Сбить со след, – настойчиво повторил мальчишка. – Я – помогать!

Огонь горел в его ладони. Освещал внезапно ставшее совсем не мальчишеским лицо.

– Ты – ведьма, – сказал он без тени сомнений. – Взять огонь. Светить!

И шагнул к ней.

– Мур-р, – вполне дружелюбно сказала вдруг Ди. Не выгнула спину, не зашипела.

– Твоя кошка знать магия, – без тени улыбки сказал мальчик. – Взять огонь!

И протянул Молли раскрытую ладонь, на которой трепетал лепесток желтоватого пламени.

– Не бояться. Взять огонь!

Молли облизнула пересохшие губы. И осторожно, очень осторожно раскрыла навстречу руке Всеслава сжатый кулачок.

Однако мальчишка покачал головой.

– Varezhka. Снять!

Первое слово Молли не поняла, но что он от неё хотел, ясно было и так. Зубами стащила рукавицу, протянула подрагивающую ладошку.

– Ближе, – повелительно сказал Всеслав. – Не бояться!

От огненного лоскутика шло приятное тепло, но не обжигающий жар.

Молли невольно кинула взгляд на раскрытую ладонь мальчишки.

Потемневшая, бугристая от мозолей. Два беловатых шрама у основания большого пальца. Ещё один, глубокий, расщеливший подушечку безымянного.

– Близо, – сказал он. И сам придвинул ладонь. Чуть наклонил, словно переливая что-то или пересаживая диковинного жука.

Лоскутик пламени послушно перебежал на ладонь Молли.

Она тихо ойкнула.

Было слегка щекотно и тепло. Пламя качнулось, дёрнулось, выпустило вверх несколько искр – словно рухнули прогоревшие дрова в камине – и сделалось вдруг вдвое выше.

Всеслав улыбнулся.

– Есть твоя магия. Не-ведьма не может. Идти теперь!

– К-куда? – растерялась Молли. Отпускать выросший язычок огня почему-то совершенно не хотелось. И ещё – ей не было страшно.

– Ты бежать из города?

– Д-да...

– Я помогать. Сжать *kulak*!

– *Kulak*? – не поняла Молли.

Всеслав показал.

– Ах, кулак!¹⁰ – Она послушно сжала пальцы. Пламя тут же угасло, но не умерло, а словно... словно улеглось спать, уютно устроившись у Молли в ладони.

– Иди. Я за тобой. Моё время тут кончиться.

И Молли пошла. *Rooskii* следовал за ней бесшумно, рядом трусила кошка Ди.

Мир переворачивался. Реальность таяла и утекала, словно снег весной. Они идут вместе с мальчишкой по имени *Vseslav* – язык сломаешь! – идут вместе, убегая из Норд-Йорка.

Похоже, мальчишка-*Rooskii* знал лабиринты Нижнего Города ничуть не хуже её.

– Вниз, – вдруг остановился он возле железного люка. – Сбить след. Собака... не брать.

– Что, прямо туда? – с ужасом спросила Молли.

– Туда, – кивнул мальчишка. Сунул руку за пазуху, выудил какой-то мешочек, развязал тесьму, резко высыпал содержимое вокруг стальной крышки. – Теперь вниз.

...Внизу отвратительно воняло. И ещё там были крысы. Ди явно оживилась, внезапно метнувшись в первое же боковое ответвление тоннеля. Шорох, писк, хруст, и краткое время спустя кошка нагнала Молли с Всеславом, выглядя крайне довольной.

Шли они по узкому карнизу над медленно текущим в глубоком жёлобе потоком нечистот. Молли туда старалась не смотреть, нос она зажала пальцами и дышала исключительно ртом. Хорошо ещё, что были очки и не щипало глаза.

Шли довольно долго. Впрочем, ориентироваться оказалось нетрудно, потому что на развилках и перекрёстках были старательно выведены стрелки с названиями улиц, под которыми тянулись канализационные коллекторы.

Они быстро приближались к окраинам Норд-Йорка.

– Куда ты собираться идти?

Молли заколебалась. Сказать ему? Но... он взят в плен егерями...

– Я... хотела... поступить... юнгой на бронепоезд...

¹⁰ Благосклонному читателю желательно помнить, что родной язык Молли, естественно, английский. Поэтому в оригинале вместо написанного кириллицей слова «кулак» должно быть английское слово *fist*. Однако, поскольку речь Молли даётся в переводе, уместно представить сказанные Всеславом по-русски слова латиницей.

Она не была уверена, поймёт ли Всеслав, что такое бронепоезд, не знала, как он вообще воспримет подобное намерение, однако мальчишка лишь коротко кивнул.

– Да. Хорошо. Есть правильно.

– А... а ты?

– Я встречать тебя в лесах.

– Встречать? Меня? В лесах?

– Не могу бронепоезд, – сокрушённо развел руками Всеслав и вдруг лихо подмигнул Молли. – Ловить я. Нет, ловить меня – правильно?

– Меня поймают, – поправила Молли. – Да, понимаю...

– Я найти тебя, – уверенно сказал Всеслав. – Я найти тебя... volshebznitsa.

– Хорошо, – шепнула Молли. Отчего-то в его словах она не сомневалась.

– Ты иди сейчас. – Мальчишка решительно подтолкнул Молли в спину. – Вверх. Там... искать... поезд-броня.

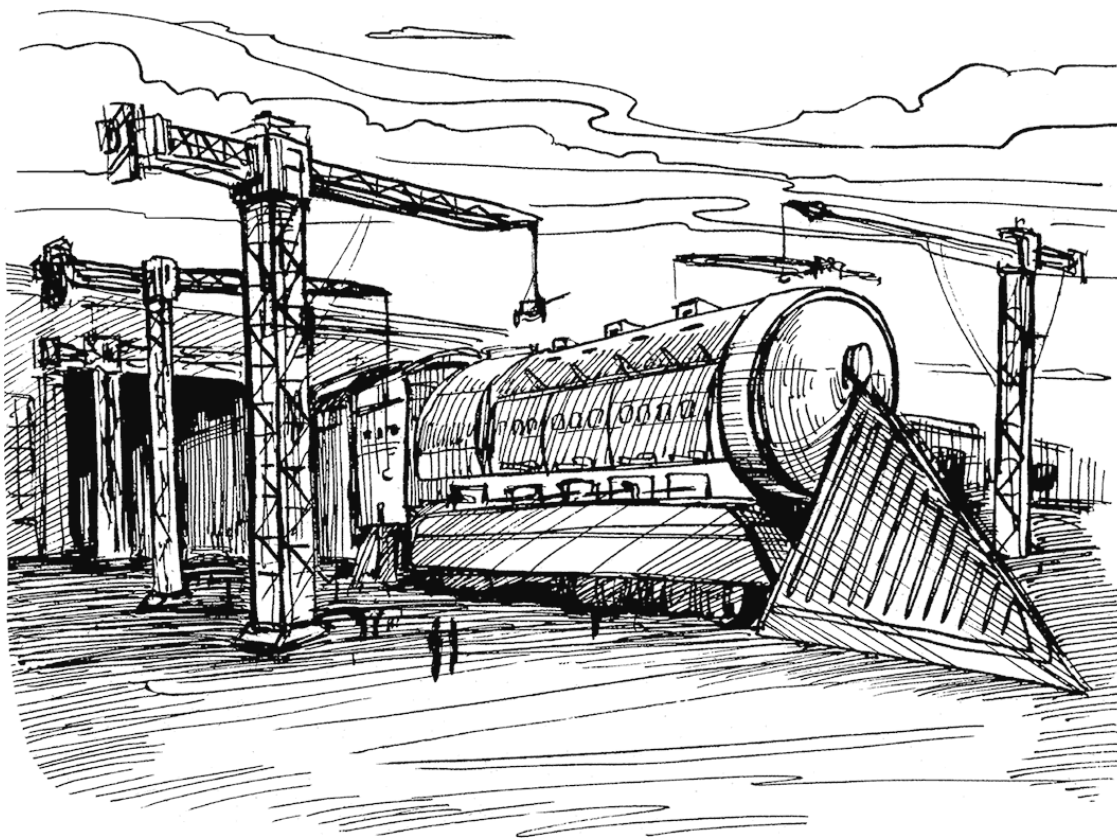
Она кивнула. Всеслав указал на железные скобы лестницы, упирающейся в крышку круглого люка.

– Иди! Скорее!

Кошка Диана в один миг заскочила Молли на плечи, устроилась, словно воротник. Скобы шатались, ими, похоже, давно никто не пользовался. Люк не сразу, но всё ж таки поддался, открыв кусочек ночного неба. Оттуда в лицо хлынул холодный и чистый воздух; Молли оглянулась в последний раз – Всеслав вновь засветил огонёк в ладони, улыбнулся загадочно и отступил в мигом поглотившую его темноту.

Глава 6

Молли, кое-как сдвинув тяжеленную прижавевшую крышку, высунулась наружу. Предрождественская ночь сверкала огнями, всюду горели газовые фонари, и пахло вкусно, как и положено в железнодорожных мастерских – машинным маслом, пропиткой шпал, топками, паровозным дымом и тому подобным.

Ди мягко соскользнула наземь, мяукнула и легко побежала вперёд, к раскрытым воротам высоченного ангара, где, озарённый огнями, застыл чудовищный «Геркулес».

Молли шла, не прячась, словно ведомая инстинктом. Весь вид её говорил, что она имеет полное право тут находиться, и задавать ей какие бы то ни было вопросы – только даром время терять. Имеет право – и всё тут.

Ребята из Норд-Йорка нет-нет, да и пробирались или на корабли флота Её Величества, или на бронепоезда, которые, если разобраться, те же корабли, только сухопутные. Самые везучие даже становились юнгами, их брали в команды. Нельзя сказать, что это поощрялось, нельзя и сказать, чтобы на такие приключения отваживались многие. Иных отправляли по домам или в приюты, если родителей не было, но иным удавалось остаться.

Правда, случалось это не слишком часто, и мальчишкам везло, конечно, больше. На дестроеры, крейсера и мониторы девчонок не брали – все знали, что моряки Её Величества болезненно суеверны, а вот на суше, где воевал и Женский вспомогательный корпус, шансы имелись. Но Молли для этого нужна была подходящая история...

Работы в мастерских велись в три полных смены, день и ночь. Разумеется, «Геркулес» охранялся, но больше для проформы: Rooskies никогда не пытались нападать на Норд-Йорк. Не было на окраинах ни каменных укрытий для орудий и митральез, никто не озаботился натянуть колючую проволоку или возвести какие-то ещё укрепления. Война шла далеко, в горных лесах, не в городских предместьях, не говоря уж о самих улицах.

«Геркулес» стоял в эллинге, под рельсами – смотровая яма, сверху спущены беседки к орудийным башням. Краны поднимают ящики со снарядами, отдельно укладываются пороховые заряды. Раскрыты люки в броневых стенах, механики тянут шланги паропроводов. Гром, треск, частые удары паровых молотов, скрип, скрежет резаков.

Молли шагала, раскрыв рот.

Пахнущие маслом и порохом внутренности «Геркулеса», мешанина проводов и труб, краны, вентили, золотники, цилиндры и пружины. Люди спешили, люди были заняты своими делами, и никто почему-то не обращал внимания на девочку в кожаной куртке и тёплых штанах, в высоких сапогах с застёжками, у ног которой бежала бело-палевая пушистая кошка.

Молли словно знала до мельчайших подробностей, что ей предстоит сделать. О словах мальчишки-Rooskii о том, что она ведьма, Молли сейчас не думала. Огонёк погостил на её ладони, и с ней ничего не случилось. Так, может, всё ещё не так страшно? Может, всё ещё обойдётся? Есть у неё магия, нет ли – сейчас переживать у Молли как-то не получалось, потому что она во все глаза глядела на громаду «Геркулеса», поворотные башни и гаубичные купола, шаровые установки митральез, спонсоны¹¹ в бортах с лёгкими орудиями, броневые плиты, размалёванные бело-серыми линиями и многоугольниками...

Никогда ещё Молли не оказывалась так близко от настоящего бронепоезда. Издалека, конечно, видела, и не раз, а вот чтобы на расстоянии вытянутой руки...

– Джон! Сильвер! – кто-то гаркнул слева от неё, и Молли чуть не подпрыгнула от неожиданности.

В проёме отваленной броневой двери стояла женщина, массивная, широкоплечая, но отнюдь не толстая и не рыхлая. В эллинге было совсем не жарко, однако рукава закатаны до локтей, руки мускулистые и в шрамах, не уступят мужским. Замасленный комбинезон из «чёртовой кожи», такие же, как у Молли, высокие сапоги, короткие волосы, все седые, стянуты ремешком на лбу. На предплечье, повыше валика закатанного рукава – нашивки: широкий угольник, под ним – четырёхлучевая розетка и широкая же прямоугольная полоса ещё ниже.

Старшина-боцман. Первый, после командира и старшего офицера бронепоезда, начальник над палубной командой.

Лицо далеко не старое, нос прямой, словно у гипсовых голов в кабинете рисования. Глаза карие, незлые, хотя голос зычный и грубоватый.

– Джон Сильвер, лентяй, что у тебя опять на камбузе?! – гремела мисс боцман. – Патрубки я за тебя откручивать стану?! У кого духовой шкаф не работает, у меня, что ли?! Первый и последний раз предупреждаю, на второй – линьков получишь! Лично всыплю!

– Мэм, да, мэм! Мэм, прошу прощения, мэм! Мэм, больше не повторится, мэм!

Упомянутый Джон Сильвер, полный и краснолицый (как и положено уважающему себя коку), облачённый в столь же замасленный и местами прожжённый комбинезон, промчался мимо, стремительно исчезнув во чреве «Геркулеса». Правда, оттуда тотчас раздался его голос:

– Мэм, виноват, мэм, но тут эти, как их, труботяги своё приклепали, меня не спросив! Не подобраться мне теперь к патрубкам, не протиснуться! Совсем головы у парней нет! Тут теперь заклёпки отрубать придётся!

На лице госпожи старшего боцмана отразилось всё, что она думает и о коке Джоне Сильвере, и о неведомых Молли труботягах, и вообще обо всех, кого по их криворукости она бы точно не подпустила к «Геркулесу» и на выстрел четырнадцатидюймовки.

¹¹ Спонсон – выступ в борту боевого корабля или бронированной машины, служит для размещения вооружения с увеличенным сектором обстрела, наблюдения и т. п.

Она нахмурилась, сжала губы и явно собиралась ещё и сплюнуть, когда взгляд её упал на недвижно застывшую и глядевшую на неё с немым восхищением Молли.

– Старайся лучше, Сильвер, брюхо втяни, и всё получится! Разъелся ты у меня, смотрю!.. Так, а эт-то что ещё тут за явление в коробочке? – Она уставилась на Молли. Брови сошлись к переносице. – Что это за пигалица прыгает тут возле моего бронепоезда?

– Мэм, Мэгги, с вашего разрешения, мэм! – отрапортовала Молли, вновь воспользовавшись именем сестры сгинувшего Сэмми.

– Мэгги? – Боцманша упёрла руки в боки. – И что же это ты тут делаешь ночью, Мэгги?

– Мэм, прошу прощения, хотела... стать юнгой, мэм!

Боцман громко фыркнула.

– Юнгой! Нет, вы слышали: пигалица стоит передо мной и заявляет, что хочет стать юнгой?! Да ещё и кошку свою притащила! Клянусь моей митральезой, давно я так не смеялась!

– Мэм! – снова донёсся из глубин бронепоезда голос кока Сильвера. – Мэм, никак не просунешься тут, мэм! Говорю вам, не подлезть мне тут! И никому не подлезть тоже, мэм! Трубы сбивать надо! Наклепали без ума, мэм, вот кому линьков прописать!

– Ты меня не учи, что делать, Сильвер! – гроыхнула госпожа боцман. – Кому линьки прописывать – без тебя решу!

– Я... – начала было Молли, но тотчас же была оборвана.

– Ко мне обращаешь, к старшей по званию, первое и последнее слово какое должна произносить?! Субординации не знаешь! А ещё в юнги собралась! Принцесска, тоже мне!

– Мэм, виновата, мэм! – поспешно выпалила Молли. – Мэм, я не принцесска, мэм, я...

Госпожа старший боцман перебила, глянув на Молли с прищуром:

– Много вас тут таких ходит, кому или приключений на собственную задницу захотелось, или кто решил, что на моём бронепоезде лишний шиллинг заработает! Мол, не принцесска, говоришь? А ты знаешь, что юнга не просто так спит да ест, а и кой-чего уметь должен? Ты-то вот, пигалица, небось гайку от шайбы не отличишь! А уж двухрожковый ключ от торцевого и подавно!

– Мэм, никак нет, мэм, отличу! Шайба – она плоская, подкладывается под гайку или под болта головку, нужна, чтобы опорной поверхности было больше! Когда больше площадь, то и затягивать можно сильнее, гайка меньше отходить станет. Гайка же...

– Хм... Ладно, хорош. Верно сказала, да всё равно слабо верится, что сдюжишь, уж больно ты пигалица! Впрочем, ладно. Эй, Сильвер! Что там у тебя?

– Мэм, пока ничего, мэм! Виноват, мэм, но никак мне руку там не выгнуть!

– Вот толстяк неуклюжий!.. – Госпожа старший боцман досадливо скривилась. – Э, вот что, пигалица. Ты вот говорить-то начала мне тут верно, а ключ-то гаечный в руках хоть когда держала?

– Да! Конеч... Ой, мэм, виновата, мэм! – выпалила Молли. – Мэм, так точно, ключ гаечный в руках держала!

В поездках с папой на его дрезине поневоле научишься многому, а Молли ещё и старалась, как могла.

– Хм. Ну а коль так, то сейчас тебя в деле и проверим!

Ой-ой, что, уже испытание? Молли не ожидала, что это случится так быстро, однако раз уж назвалась юнгой – придётся соответствовать!.. Ох, только б не перепутать ничего со страху. Это не контрольная в школе, тут пересдач не бывает...

Она резко выдохнула, шагнула к узкому, почти отвесному трапу, взялась за холодные поручни. Диана – за ней. Лестница её явно не смущала.

– Хм! Давай, пигалица, говорю тебе. Залезай. А это чудо хвостатое куда?.. – нахмурилась было госпожа боцман.

Действовать пришлось очень быстро.

– Мэм, кошка моя, мэм! Крысоловка, каких поискать, всех крыс на «Геркулесе» передушит! Она их знает как, р-раз – и за загривок!..

– Хм! Так уж и всех и передушит, – усомнилась боцманша, но более возражать не стала, и Диана в единый миг бесшумно взлетела по ребристым ступенькам.

– Мэм, спасибо, мэм! – быстро, как только могла, оттараторила Молли.

– Хм! Ну, посмотрим. Лезь, пигалица, кому говорю?!

Не помня себя от счастья, Молли проскочила прямо в распахнутую дверь.

Жёсткий высокий комингс. Полумрак внутри броневагона – узко и тесновато, железные дырчатые сиденья с привязными ремнями. Стены покрывает, словно шкура неведомого зверя, вязь самых разных труб, тонких и толстых, начищенно-медных и затянутых белой теплоизоляцией. Краны, вентили, штурвалы и штурвальчики.

– Сюда давай, пигалица!

Ещё одна броневагонная дверь. В этом отсеке – камбуз. Как здесь умудрялся поворачиваться весьма нехудой кок Джон Сильвер, Молли уразуметь не могла. Ноги его, обутое в ботинки с грязными обмотками, под немыслимым углом торчали из-за края железного ящика с дверцей, надо полагать, того самого духового шкафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.